Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Научно-исследовательский журнал

№ 3 (23)

МОСКВА
2018

УДК 81’33(063)
ББК 81.1я431
У 91

Главный редактор:
д. филол.н., профессор С.Г. Тер-Минасова (МГУ имени М.В. Ломоносова)

Заместитель главного редактора:
к.филол.н., доцент Н.А. Ахренова (ГСГУ, г. Коломна)

Технический секретарь:
к.филол.н. А.А. Колесников
(Академия акварели и изящных искусств Сергея Андрияки)

Редакционная коллегия:
д.филол.н., профессор Л.И. Богданова (МГУ имени М.В. Ломоносова)
д.филол.н., профессор Т.Г. Добросклонская (МГУ имени М.В. Ломоносова)
к.культ., доцент О.Ю. Иванова (РосНОУ, г. Москва)
д.филол.н., профессор О.М. Карпова (ИГУ, г. Иваново)
д.филол.н., доцент М.И. Киосе (Институт языкознания РАН)
к.филол.н., доцент О.А. Ксензенко (МГУ имени М.В. Ломоносова)
д.филол.н., доцент Л.Н. Лунькова (ГСГУ, г. Коломна)
д.филол.н., профессор А.Л. Назаренко (МГУ имени М.В. Ломоносова)
д.п.н., профессор Е.Н. Соловова (НИУ ВШЭ)
д.п.н., профессор И.И. Соломатина (ГСГУ, г. Коломна)
Robert Ilson (University College London)
Zhong Weihe (Guangdong University of Foreign Languages)
профессор Ян Кэ (Университет иностранных языков и внешней торговли, г. Гуанчжоу)

У 91 Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. М.: НОПриЛ, 2018 – 134 с.
ISSN 2305-8838

Материалы журнала содержат статьи, посвященные актуальным проблемам изучения и преподавания родного и иностранного языков, межкультурной коммуникации, перевода и другим аспектам современной лингвистической и педагогической наук.

ISSN 2305-8838
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор))
ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 г.
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК по научной специальности 10.02.00 – языкознание
Журнал индексируется в базе данных РИНЦ
Учредитель Национальное общество прикладной лингвистики. Адрес учредителя: 127572, Москва, ул. Новгородская, д. 22, к. 3, Председатель редакционной коллегии проф. Тер-Минасова С.Г. Подписано в печать 24.09.2018. Формат 60x90/16. Усл.печ.л. 20,8. Тираж 1000 экз. Цена свободная.
© Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)
© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Бурова И.Д., Мигдаль И.Ю. Проблема выделения игры и игровой деятельности как категорий образовательного процесса 7

Вахромеев Д.С., Пасечник Т.Б. Особенности использования песенного и стихотворного материала как средства обучения английской лексике младших школьников в общеобразовательной школе 17

Кондратенко Е.П. Фразовые глаголы в преподавании английского языка: разные подходы 22

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Буробин А.В. Захарченко С.С. Ономастическая фразеология на газетной полосе 28

Вишнякова Е.А. Функционально-семантические особенности англоязычных аббревиатур (комплексный подход к исследованию) 37

Кузьменко Е.Л. Вербальная презентация восприятия природы этно-семантической личностью (на материале фразеологических и паремиологических единиц) 54

Свиридова Л.К., Кошевая И.Г. Количественные отношения в сфере категории тождества 61

ЯЗЫК КУЛЬТУРА КОММУНИКАЦИЯ

Беляков М.В. «Свобода слова» в дипломатической коммуникации 69

Павловская А.В. «Огни горят горючие». К вопросу о единстве праздничной культуры народов мира 77

СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА

Ахренова Н.А. Функционально-стилистические доминанты языка интернета 93

Хроменков П.Н Конфликтные вербальные компоненты текстов народных песен (исследование методом количественного контент-анализа) 113

Список авторов 127

CONTENTS

METHODOLOGY

I. Burova, I. Migdal The problem of differentiating games and play activities as categories of educational process 7

D. Vakhromeyev, T. Pasechnik Authentic texts as a means to form secondary students' foreign language competence 17

E. Kondratenko Phrasal Verbs in ELT: different approaches 22

LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY

A. Burobin S. Zakharchenko Onomastic phraseology on a newspaper page 28

E. Vishnyakova Functional semantic peculiarities of English abbreviations (the integrated approach) 37

E. Kuz'menko Verbal presentation perception of nature of the ethno-semantic person (on a material of phraseological and paremiological units) 54

L. Sviridova, I. Koshevaya Quantity relations in the sphere of category of identity 61

LANGUAGE, CULTURE, COMMUNICATION

M. Belyakov “Freedom of speech” in diplomatic communication 69

A. Pavlovskaya “Fires are Burning”. The worlds festive national cultures: Revisiting the problem of their unity 77

STYLISTICS AND DISCOURSE ANALYSIS

N. Akhrenova Functional syntactic dominants of the language of the Internet 93

P. Khromenkov Conflict verbal components of folk songs (quantitative content-analysis research) 113

List of authors 127

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Бурова Ирина Дмитриевна
Irina Burova
Мигдаль Ирина Юрьевна
Irina Migdal

Проблема выделения игры и игровой деятельности как категорий образовательного процесса

The problem of differentiating games and play activities as categories of educational process

Аннотация: Работа представляет собой анализ особенностей применения игровой деятельности в современном образовательном процессе. Особое внимание уделяется организации работы по использованию дидактических игр как эффективного средства интенсификации познавательной деятельности обучающихся.

Abstract: The work analyzes peculiar features of employing game activities in the contemporary educational process. Special attention is paid to organizing didactic games as an effective means for students' cognitive activity intensification.

Ключевые слова: игра, игровая деятельность, дидактические материалы и игры.

Key words: game, play activities, didactic materials and games.

На современном этапе развития системы образования деятельность педагога при обучении и воспитании подрастающего поколения невозможно представить без использования инновационных, прогрессивных технологий и методик преподавания изучаемого детьми материала. Одним из таких новшеств является использование игровых приемов и технологий, способствующих более продуктивному обучению и воспитанию школьников.

Сам термин «игра» настолько прочно закрепился в нашем сознании и мировосприятии, что ни у кого из нас не возникает необходимости обращения к толковым словарям, с целью узнать точную дефиницию и трактовку данного понятия. Тем не менее, спектр определений такого явления, как «игра», достаточно велик. Огромное количество исследователей пытались по-своему осмыслить данное понятие, предлагали разнообразные концепции по классификации «игр», выделяли существенные характеристики данного феномена. Во многих странах

существуют библиотеки, где собраны целые библиографии, посвященные игре и игровой деятельности.

Главной причиной существования такого огромного спектра понятий феномена «игры» является тот факт, что каждый автор, объясняя, что же такое «игра», делает основной акцент на перечислении признаков, которые, по его мнению, являются центральными и самыми значимыми. Иными словами, основной проблемой при выявлении «игры» стал ее сугубо субъективный характер, отражающий видение игры разных исследователей и ученых.

Игра – понятие общенаучное, интегрированное во многие отрасли науки и сферы жизнедеятельности человека. В психологии, педагогике, философии, истории и искусстве отношение к понятию «игра» различно. Игровая деятельность представляет собой один из ведущих компонентов экономических процессов, научного и художественного творчества, военного искусства, политики, психотерапии и многих других отраслей знаний. Иными словами, все так или иначе имеет на себе отпечаток элементов игровой деятельности.

На наш взгляд, наиболее точным, вбирающим в себя все характеристики, приписываемые игре разными авторами и исследователями, является понятие, данное в Большом энциклопедическом словаре, согласно которому игра представляет собой «особый вид непродуктивной деятельности, мотив которой заключается не в ее результатах, а в самом процессе; она не связана с тяжелым физическим трудом и доставляет удовольствие играющим... Имеет важное значение в воспитании, обучении, развитии детей как средство психологической подготовки к будущим жизненным ситуациям. Свойственна также высшим животным». [2]

Итак, на сегодняшний день игра – особая форма познавательной деятельности, без которой невозможно представить современный образовательный процесс. Она обладает огромным воспитательным потенциалом, содержит в себе механизмы взаимодействий и взаимоотношений детей и взрослых. Именно поэтому сегодня ни один преподаватель не может обойтись без применения игровых приемов на уроках и во внеурочное время при работе с коллективом детей. Кроме

того, игра – эффективнейшее средство формирования личности школьника, его морально-волевых качеств и характеристик. В игре ребенок имеет возможность развиваться интеллектуально, физически, эстетически, он учится работать индивидуально, в паре, группе, команде.

Главными вопросами, стоящими перед педагогами образовательных учреждений, являются, во-первых, то, каким образом необходимо осуществлять подбор игр и игровых приемов, чтобы они соответствовали требованиям государственных образовательных стандартов, а во-вторых, какие игры вообще можно считать образовательными и воспитательными.

В настоящее время существует огромное многообразие классификаций игр и игровых технологий, и особую ценность среди них представляют именно дидактические игры, содержащие в себе определенные нормы и правила, а также специально созданные педагогической школой в целях обучения и воспитания школьников. Главное назначение дидактических игр – решение конкретных задач обучения детей, а также осуществление воспитательного и развивающего влияния игровой деятельности. Применение данного вида игр учителями в своей практике объясняется рядом причин.

Во-первых, опора на игровую деятельность, игровые формы и приемы является наиболее эффективным способом включения детей в учебную работу.

Во-вторых, с помощью дидактических игр освоение учебной деятельности идет плавно, поэтапно, тщательно прорабатывается каждый аспект обучения, тренируются определенные навыки и умения.

В-третьих, в дидактических играх преобладает наглядно-образное восприятие, что способствует более прочному усвоению материала школьниками, включая детей с недостаточной устойчивостью внимания, произвольным развитием памяти.

В-четвертых, дидактическая игра во многом способствует формированию познавательной мотивации детей, она как будто «объясняет» детям, что научиться чему-то можно играя, что учебная деятельность не связана с зазубриванием, монотонным

чтением и проработкой материала, что учение может быть увлекательным и интересным.

Дидактическая игра обладает своей четкой и определенной структурой, которая характеризует игру и как форму обучения, и как игровую деятельность. В структурные составляющие дидактической игры входят:

1. Дидактическая задача;
2. Игровые действия;
3. Правила игры;
4. Результат.

Дидактическая задача обуславливается конкретной целью обучения и воспитательным воздействием. Она определяется учителем и отражает его обучающую деятельность. Так, например, в ряде дидактических игр в соответствии с программными задачами определенных учебных предметов закрепляются такие умения, как: составить из букв слова, подставить слог на месте пропуска, отрабатывать навыки счета и многое другое. Дидактическая задача в дидактической игре осуществляется посредством игровой задачи, которая реализуется детьми и определяет основные игровые действия.

Игровые действия – это основа игры. Чем они разнообразнее, красочнее, тем интереснее для детей сама игра, и тем успешнее, эффективнее решаются познавательные и игровые задачи. В различных играх игровые действия разнообразны по своей направленности и по отношению к игрокам. Это, например, ролевые действия, отгадывание загадок, ребусов, пространственные преобразования и многое другое. Все они связаны с неким игровым замыслом и происходят из него. Игровые действия – это средства реализации игрового замысла, которые также включают в себя выполнение дидактической задачи.

Содержание и направленность игровых правил определены общими задачами формирования и развития личности школьника, познавательным содержанием, игровыми задачами и действиями. В дидактических играх правила – заданные. При помощи правил учитель имеет возможность управлять игрой, направлять процессы познавательной деятельности и поведение играющих детей. Кроме того, правила

воздействуют на решение дидактической задачи, поскольку они незаметно ограничивают действия детей, наводят, концентрируют их внимание на выполнение определенной задачи учебного предмета.

Результат, то есть подведение итогов игры, проводится сразу по ее окончанию. Это может быть подсчет баллов, очков, выделение детей, лучше всех справившихся с заданием, определение команды-победителя и многое другое. При этом важно отметить, выделить достижения каждого ребенка, подчеркнуть успехи отстающих детей, для того, чтобы не травмировать их психику и не прививать отвращение и нежелания к последующим игровым действиям [Михайленко, 2011].

Проводя дидактическую игру, необходимо соблюдать наличие всех структурных элементов, так как с их помощью решаются дидактические задачи.

Взаимоотношения между учащимися и учителем определяются не учебной ситуацией, а игрой и игровыми элементами. Необходимо помнить, что дети и педагог – участники одной игры. Если данное условие нарушается, то преподаватель возвращается на путь прямого рутинного обучения.

Таким образом, для ребенка дидактическая учебная игра – это особое игровое действие, в то время как для учителя – это способ наиболее продуктивного и эффективного обучения. Целью дидактических игр является облегчение перехода к учебным задачам. Итак, на основании вышеизложенного, можно выделить и сформулировать основные функции дидактических игр:

1. Функция формирования психических новообразований;
2. Функция формирования собственно учебной деятельности;
3. Функция формирования навыков самоконтроля и самооценки;
4. Функция формирования гармоничных, адекватных взаимоотношений в коллективе и освоения социальных ролей.

Для организации и проведения дидактической игры преподавателю необходимо соблюдать ряд условий:

1) обладать определенными знаниями и умениями в построении дидактической игры;
2) осознавать необходимость проведения игры;
3) оценивать необходимость включения учителя в игру;
4) уметь контролировать адекватность сочетания занимательности, увлекательности и обучения;
5) владеть методами и средствами, повышающими эмоциональное отношение детей к игре;
6) использовать понятную, доступную, простую и емкую наглядность дидактической игры [Селевко, 2006].

Весь спектр дидактических игр можно условно поделить на 3 основные группы:

1. Игры с предметами;
2. Настольные печатные игры;
3. Словесные игры.

В играх с предметами учитель может использовать разнообразные игрушки, средства наглядности, а также реальные предметы. Играя с ними, дети учатся сравнивать, устанавливать сходства и различия предметов. Ценность данных игр состоит в том, что посредством работы с ними дети знакомятся с многообразием свойств предметов и их признаков (названием, цветом, формой, величиной, размером, качеством). По мере овладения учащимися новыми знаниями о предметной среде, задания в играх усложняются: дети должны определить предмет по какому-либо свойству или качеству, объединить предметы по этому признаку и так далее, что важно для развития отвлеченного, логического мышления детей.

Настольно-печатные игры содержат в себе разнообразные виды игровых действий: разложи картинки по парам, установи соответствия, сюда же входят различные виды домино, лото и многое другое. При их использовании решается огромный спектр развивающих задач. Например, в игре, основанной на подборе картинок по парам, учащиеся не просто соединяют картинки по внешним признакам, но и пытаются сопоставить их по некоему общему смыслу. Идет развитие логического мышления. Или, например, задание, где из разрезанных частей

нужно составить общую картинку, направлено на развитие у детей дедуктивно-индуктивного умения из частей собрать целое, что также способствует развитию логики мышления.

Словесные игры построены на словах и действиях участников игры. В таких играх школьники учатся, опираясь на уже имеющиеся представления и знания о предметах действительности, углублять знания о них, поскольку в таких играх важно использовать приобретенные ранее знания в новых обстоятельствах. Дети самостоятельно учатся решать самые разнообразные мыслительные задачи - описывать предметы, выделяя их характерные признаки; отгадывать предмет по описанию другого игрока; находить сходства и различия; группировать предметы по различным свойствам и признакам и многое другое. Так, составление описания, рассказа по картинке или же описание того, что изображено, направлено на развитие речи, воображения и творческих способностей у школьников.

При помощи словесных игр учитель воспитывает в детях желание заниматься умственным трудом, поскольку в игре процесс мышления протекает активнее, трудности умственной работы преодолеваются легко, и ребенок не замечает того, что его чему-то учат.

В педагогическом процессе словесные игры условно подразделяют на четыре основные подгруппы.

I. Игры, с помощью которых формируются умения выделять признаки предметов и явлений;
II. Игры, используемые для развития умения сравнивать, сопоставлять, делать верные умозаключения;
III. Игры, которые развивают умения обобщать и классифицировать предметы по разнообразным признакам;
IV. Игры на развитие внимания, сообразительности, быстроты мышления.

Для того, чтобы обеспечить развивающий потенциал игры необходимы не только разнообразные средства наглядности, настольные игры, но и особая творческая атмосфера, создаваемая учителем, увлеченным работой с учащимися [Аникеева, 2007].

Игра может быть включена в урок на любом его этапе. Она гармонично входит в целостный педагогический процесс, сочетается и взаимосвязана с разнообразными формами обучения и воспитания детей. Для учителя важно продумать поэтапный ход игры на занятии. В начале урока целью должны являться организация деятельности детей и их заинтересованность в данной игре. В середине занятия дидактическая игра должна решить задачу усвоения темы урока. Как финальная часть занятия, игра может носить поисковый характер. При этом, на любом этапе урока игра должна отвечать определенным критериям: быть интересной, простой, доступной, увлекательной, занимательной, включать в себя различные виды деятельности.

Применение игры имеет большое значение для формирования комфортного психологического климата в классе, установления дружественных отношений между учащимися и учителем, развития самостоятельности, положительного отношения к учению и многое другое. Все эти воспитательные эффекты опираются на то воздействие, которое игра оказывает на психическое развитие школьников, на становление их личности.

На основании вышеизложенного, можно сформировать психолого-педагогические особенности применения дидактической игры и игровых методов в учебном воспитательном процессе.

1. Игровая деятельность – форма активного отражения ребенком окружающей его действительности и жизни взрослых людей.
2. Отличительная особенность игры – это способ, которым дети пользуются для осуществления деятельности. Игра не ограничивается каким-то одним действием или движением, как, например, письмо, чтение, рисование, это целый комплекс активностей.
3. Игра, как и любой другой вид человеческой деятельности, имеет в своей основе общественный характер и обладает тенденцией меняться, развиваться в результате изменений условий жизни людей.

4. Игровая деятельность – это особая форма творческого видения ребенком действительности, поскольку, играя, ребенок вносит в игры свои особые выдумки, фантазии.
5. Игра – это владение знаниями, их использование в практической деятельности, возможность их обогащения и уточнения, путь упражнения и развития познавательных и нравственных способностей школьников.
6. Игра представляет собой коллективную деятельность, где все участники находятся в непосредственном взаимодействии друг с другом, в отношениях сотрудничества.
7. Способствуя разностороннему развитию детей, игра также прогрессирует, меняется и совершенствуется. При систематическом и должном контроле и руководстве со стороны учителя игра может меняться:

a) от начала к концу проведения игры;
b) от первой игры к следующим игровым действиям той же группы учащихся;
c) по мере взросления школьников от младшего школьного возраста к старшему.

8. Игра, в качестве особого вида деятельности, направлена, прежде всего, на познание детьми окружающего мира путем активного соучастия в труде и повседневной жизни людей.

Средствами игры выступают:

a) знания о людях, их действиях, взаимоотношениях, которые находят свое отражение в речи, переживаниях и действиях детей;
b) приемы действия с определенными предметами в конкретных обстоятельствах;
c) нравственные оценки и чувства, которые проявляются в форме суждения о хорошем или плохом поступке, о полезных или вредных действиях людей [Скаткин, 2005].

Таким образом, игра – это исторически сложившийся, обусловленный и естественный компонент культуры,

представляющий собой особый вид произвольной деятельности человека. Игра – деятельность спонтанная и непринужденная. И поскольку мир игр очень разнообразен, существует огромное количество различных классификационных групп игр. Каждая из этих групп уникальна, содержит в себе определенные компоненты и выполняет особые функции. Каждый вид игровых действий помогает ребенку развиваться не только в качестве физически здорового человека, но и здоровой личности. При правильном, верном подборе игр у учителя есть возможность спланировать и создать условия для гармоничного, правильного развития и социализации своих воспитанников.

Литература

1. Аникеева Н. П. Педагогика и психология игры. – М.: Владос, 2007.
2. Большой энциклопедический словарь. А.М.Прохоров. 2-е издание переработанное и дополненное, 2002.
3. Газман О.С. Роль игры в формировании личности школьника. - М.,2005.
4. Ермолаева М.Г. Игра в образовательном процессе: Методическое пособие/ М.Г. Ермолаева. – 2-е изд., доп. – СПб.: СПб АППО, 2005.
5. Негневицкая Е.И. Иностранный язык для самых маленьких: вчера, сего-дня, завтра // Иностранные языки в школе - 1987. – № 6. – С.20-26.
6. Михайленко Т. М. Игровые технологии как вид педагогических технологий // Педагогика: традиции и инновации: материалы междунар. науч. конф. – Челябинск: Два комсомольца, 2011. – Т. 1. – С. 140–146.
7. Педагогическая энциклопедия. Том 1. Гл.ред.- А.И.Каиров и Ф.Н.Петров. - М., 2007.
8. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. - М., 2006.
9. Скаткин М.Н. Школа и всестороннее развитие детей. - М., 2005.

Вахромеев Данила Сергеевич
Danila Vakhromeyev
Пасечник Татьяна Борисовна
Tatiana Pasechnik

Особенности использования песенного и стихотворного материала как средства обучения английской лексике младших школьников в общеобразовательной школе

Peculiarities in the use of rhymes and songs in teaching English vocabulary at junior school

Аннотация: Цель статьи заключается в том, чтобы привлечь внимание к важной проблеме процесса формирования произносительных навыков у младших школьников и увеличения лексического запаса учащихся с использованием песенного и стихотворного материала. Предлагаются примеры упражнений-рифмовок, направленных на коррекцию воспроизведения английских звуков и интонации, а также нацеленных на закрепление активной лексики и грамматики урока. В статье показано, что преимуществом такого учебного материала является реализация сразу нескольких целей в различных аспектах обучения: фонетике, грамматике, пополнении словарного запаса.

Abstract: It is the purpose of this article to direct attention to the important problem of teaching English pronunciation as well as of enlarging active vocabulary at junior school. Rhymes and poems are offered to train not only sounds and intonation but also vocabulary and grammar material. The article demonstrates the advantages of these teaching materials helping to achieve aims in all aspects: phonetics, grammar and lexical skills.

Ключевые слова: образовательный процесс, произносительные навыки, интонация, лексические навыки.

Key words: educational process, pronunciation habits, intonation, lexical skills.

Один из наиболее эффективных приемов обучения лексическим навыкам на уроках иностранного языка – использование стихотворных и песенных материалов. Существует много учебных пособий с поэтическими текстами, которые значительно облегчают работу учителя. И.Л. Шелпо отмечает следующие преимущества их использования на уроке:

- Во-первых, стихи и песни – это тот текстовый материал, который дети любят и который им интересен, поэтому он способствует лучшему усвоению материала.
- Во-вторых, данный материал формирует не только лексические навыки по определённым темам, но и вводит учеников в другую иноязычную культуру.
- В-третьих, тематические тексты песен и поговорок послужат прекрасным материалом для отработки ритма,

интонации иноязычной речи, и совершенствования произношения.

- В-четвёртых, при работе со стихотворным и песенным материалом мы решаем задачу многократного повторения высказываний по одной и той же модели, восприятия одного и того же слова. Многократное воспроизведение какого-либо стихотворного и песенного материала не воспринимается как искусственное [Филатова, 2004: 124].

Цель обучения иностранным языкам – это приобретение знаний, формирование у обучающихся навыков и умений, а также усвоение ими сведений страноведческого и культурного характера. Стихи и песни приносят удовольствие при изучении иностранного языка и прививают им особый вкус к поэзии и песни с раннего возраста, а также повышают интерес к изучению иностранных языков.

В своей статье Дъяченко Н.П. отмечает, что работа над стихотворным и песенным материалом может быть разной и зависеть от этапов обучения и от целей, которые ставит перед собой учитель. Тем не менее, одновременно и вполне успешно могут быть реализованы многие задачи, такие как обучение фонетике, лексике, грамматике [Корнилова, 1972: 74]. Разучивание стихов, рифмовок и поговорок делают занятия иностранным языком более интересными, мотивируют учеников и погружают их в языковую среду. Необходимо определить примерную последовательность работы с данным материалом. Его можно условно разделить на несколько и этапов:

1) фонетическое предъявление текста;

2) лексическое предъявление текста;

3) грамматическое предъявление текста [Лукьянова, 2006: 12].

Для заучивания и закрепления можно использовать следующие упражнения:

- Цепочка (обучающиеся проговаривают только одну строчку по порядку их следования в стихотворении);
- Снежный ком (каждый последующий ученик повторяет фразу предыдущего и добавляет свою);

- Закончи фразу! (учитель произносит начало фразы, обучающийся заканчивает) [Лукьянова, 20016: 79].

Формирование лексических умений и навыков предполагает знание ситуативных, социальных и контекстуальных правил, которых придерживаются носители языка. Обучающиеся должны усвоить значение и формы лексических единиц, уметь их использовать в различных ситуациях общения. Песни, рифмовки и поговорки значительно улучшают не только произношение, но и помогают вводить или закреплять тот или иной лексический материал в живой и эмоциональный форме. Заучивание песен, воспроизведение слов сначала хором, а позже индивидуально развивает навыки говорения на иностранном языке. Рифмованная речь более привычна и естественна для детей, поэтому легче запомнить информацию в рифмованном виде [Филатова, 2004: 305].

На начальном этапе обучения дети хорошо воспринимают, запоминают и воспроизводят готовые лексические конструкции, особенно если они могут рифмоваться или их можно спеть под музыку, ритм.

Например, песня "The ABC song". Данная песня служит не только готовым материалом для изучения английского алфавита, но и вводит дополнительные лексические единицы, начинающиеся с букв, которые дети учат с первых уроков:

A — an apple
B — a bat
C — a clever city cat
D — a dog
E — the East
F — a fat and funny fish
G — a gloomy gentleman
H — a happy hen
I — an iceberg very far
J — a ginnie in the jar
К — a kite and
L — a log
M — a monster on the mop
N — a net and
O — an ox

P — a postman with a box
Q — Elizabeth the Queen
R — a ruby in the ring
S — a seagull in the sea
T — a tiger in a tree
U — a UFO
V — a van
W — a woman in the wood
X — an X-ray
Y — a yak
Z — a zebra in the zoo.

А стихотворение «Где мои носки?» служит хорошим материалом для запоминания лексики по теме «Моя одежда» или отработки форм глагола to be в Present Simple:

Where are my socks?
My funny red socks?
These are my boots.
They are in the box.
These are my hats.
These are my rings.
These are my books.
And those are my pins.
Those are my maps.
Those are my roses.
And where are my socks?
They are funny and cosy [Кауфман, Кауфман, 2016: 14].

При изучении лексики по теме "Моя семья" можно разучить с детьми следующую песню – рэп:

This is a family rap aha, aha,
This is a family rap.
My name is Troy.
Hello, mates!
This is my big family.
They are great.
This is my father.
He is kind and witty.
This is my mother.
She is clever and pretty.

This is a family rap.
This is a family rap.
This is my brother
A very strong guy.
And this is my sister.
She is fun and shy.
This is my uncle.
He is from Dakota.
This is my granny.
My mum is her daughter.
This is a family rap.
This is a family rap.
This is my granddad.
He is so cool.
He is a teacher
At our school.
This is my aunt.
She is clever and fun.
This is my cousin.
He is her son.
This is a family.
This is a family.

Эта песня помогает закрепить лексический материал по теме «Моя семья». Как вариант, на последующих уроках можно предложить обучающимся составить свое стихотворение – рэп по образцу [Кауфман, Кауфман, 2016: 19].

Разучивание стихов на уроке иностранного языка - один из приемов, позволяющий включать в активную работу всех учащихся. Ученики усваивают материал, представленный в стихотворной форме, гораздо легче, поэтому поэзия является эффективным средством для закрепления языкового материала и обогащения речи учащегося. Благодаря рифме стихи легко усваиваются, а затем переходят в состояние оперативной готовности. Таким образом, создается база для неподготовленной речи. При работе со стихами необходимо добиваться от учащихся умения выбирать из текста отдельные фразы и использовать их затем в речи.

Таким образом, детская поэзия помогает учащимся в запоминании и закреплении пройденной лексики. Стихотворная форма, ритм и рифма позволяют учащимся легко фиксировать в памяти пройденные по той или иной теме слова, эффективно пополняя словарный запас.

Литература

1. Кладова И. С. Технология полного усвоения программы на уроках английского языка. Методические рекомендации по формированию лексических и грамматических навыков: учебное пособие. Березники, 2010. 15 с.
2. Корнилова В.Ф. Индивидуализация обучения иностранному языку.// Иностранные языки в школе. №6, 1972. – с. 74 - 79.
3. Кривобекова И.Я., Лотарева Т.Л. Некоторые приемы работы над лексикой.// Иностранные языки в школе. №2, 1980. – с. 53-55.
4. Лукьянова М.И. Теоретико-методологические основы организации личностно ориентированного урока. // Завуч. № 2, 2006. – с. 5-12.
5. Методика обучения иностранным языкам в начальной и основной общеобразовательной школе. Под ред. В.М.Филатова. – Ростов н/Д: «Феникс», 2004. – с. 337-351
6. Английский язык: Songs and poems for junior school: учебное пособие / Марианна Кауфман, Клара Кауфман. – Обнинск: Титул 2016. – 64 с.

Кондратенко Елена Петровна
Elena Kondratenko

Фразовые глаголы в преподавании английского языка: разные подходы

Phrasal Verbs in ELT: different approaches

Аннотация: В статье обсуждаются проблемы, связанные с изучением фразовых глаголов. Подробно рассматриваются два метода: применение семантического анализа в процессе изучения фразовых глаголов и написание рассказа, содержащего фразовые глаголы.

Abstract: The article discusses the difficulties of teaching phrasal verbs to students at upper-intermediate and advanced levels. It presents the detailed analysis of two methods:

writing a story containing a number of phrasal verbs and the application of semantic analysis to the phrasal verbs study.

Ключевые слова: преподавание английского языка, фразовые глаголы, семантический анализ.

Key words: English language teaching, phrasal verbs, semantic analysis.

An understanding of phrasal verbs is essential to successful communication, but their study is a difficult part of the teaching - learning process in universities. Teachers regularly observe the situation when students underuse or overuse phrasal verbs.

Students often try to avoid using phrasal verbs and replace them with their one-word equivalent. As a result, their speech (and, sometimes, even writing) might sound too formal, artificial and old-fashioned. At the other extreme, some students tend to overuse phrasal verbs in the inappropriate context. As far as the tests (such as FCE, CAE, etc.) are concerned, the problem of incorrect usage of phrasal verbs is even more serious, which can lead to a low total score in the test.

To alleviate difficulties phrasal verbs present, different exercises have been worked out. Some of these tasks are well-known, for example, 'match the verbs to the correct particle to form phrasal verbs', 'complete the sentences using a phrasal verb from the previous exercise', etc. Other tasks are not very popular, but they can also help students acquire a good knowledge of phrasal verbs.

I will speak about the task of writing a story containing a certain set of phrasal verbs and follow-up activities. These activities were organized in the learning module consisting of three steps.

Step 1. The introduction into the semantic analysis of phrasal verbs

To help students understand better how phrasal verbs function in the modern English language, I give students a short lecture on the semantic analysis of phrasal verbs. The procedure is presented in detail in [Кобозева, 2012]. The purpose of the lecture is to motivate students to use phrasal verbs more frequently and in the proper context.

At the end of the lecture I present the results of the semantic analysis of phrasal verbs randomly selected from some modern

novels [Kondratenko, 2016]. All the phrasal verbs have been classified into 5 groups.

Group 1 contains phrasal verbs that do not have equivalent one-word verbs, for example, *check into, get up* etc. It is practically impossible to substitute any of them by one word only.

Group 2 contains phrasal verbs that have synonyms among one-word verbs but they cannot be considered closely equivalent. For example, *root out* is synonymous with *destroy***,** but they are not equivalent because *root out* means *destroy something unwanted.*

Group 3 includes phrasal verbs which have one-word equivalents, for example, *find out* (the equivalent is *discover*).

Group 4 contains phrasal verbs which have equivalent phrasal verbs or idiomatic expressions, for example, *put down* in the meaning *record in writing* (the equivalents are *jot down, note down, take down, write down*)

Group 5 contains new phrasal verbs or phrasal verbs with a new meaning or combination of two meanings.

The distribution of phrasal verbs among these groups is shown in the diagram (Figure 1), phrasal verbs being selected from the novel 'The Hours' by Michael Cunningham:

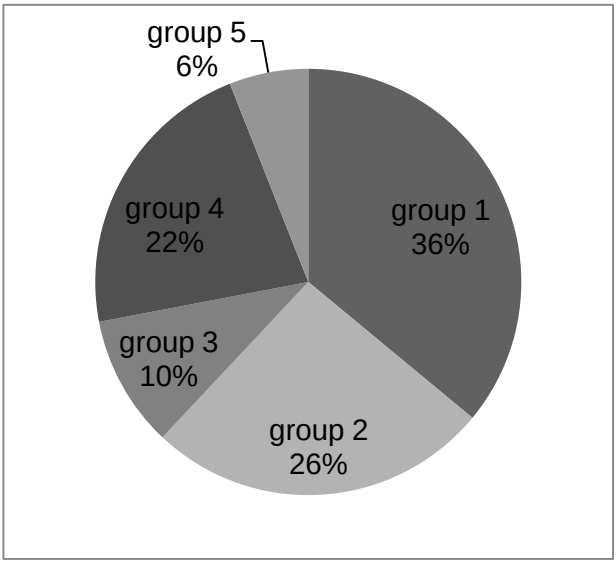

Figure 1: Phrasal verbs distribution in the novel 'The Hours'

Group 1 being the largest one refutes the popular belief that it is possible to do without phrasal verbs by replacing them with their single-word alternatives. I suppose that this fact can be a good incentive for students to make more efforts to learn phrasal verbs.

The fact that the second largest group is Group 2 also can be a motivational factor for students to get more interested in phrasal verbs. Although phrasal verbs from Group 2 have synonyms among one-word verbs, native speakers of English quite often opt for a phrasal verb to be more precise. It has been stated by a number of linguists that teaching pragmatics is of great importance in the second language acquisition [Прошина, 2016; Тер-Минасова, 2014]. It is necessary for non-native speakers to understand whether the phrasal verb is appropriate for the context or not, and in-depth analysis of the phrasal verb helps them make the right choice.

The existence of Group 5 should also inspire students to study phrasal verbs in a more comprehensive way because it shows that "phrasal verbs are an important, if sometimes obscure, trace of the interaction between the material world and language change"[Brown and Palmer, 2015].

Step 2. Writing a story containing phrasal verbs

Students are given the assignment to write a story containing a set of phrasal verbs. The set should contain some phrasal verbs from the textbook used in the class and some phrasal verbs that students choose from dictionaries by themselves. Then the story should be presented orally in the classroom. While listening to it, students should write down all the phrasal verbs from the stories.

The following varieties of this basic set of tasks are possible:

- As a part of home assignment students can write a story containing **ten** (or any other fixed number) phrasal verbs. The phrasal verbs can be chosen by students. When the story is read in the classroom, all the students should write down the phrasal verbs they can hear. Then they should try to guess the meaning of the phrasal verbs used in the story and find their equivalents.
- A story can be written with a set of phrasal verbs which have the **common** verb.

- Students can be given the task to write a **fairy-tale adaptation** containing a set of phrasal verbs.

Step 3. Follow-up activities

One of the follow-up activities is to give a short summary of the story using as many phrasal verbs from it as possible. The summary could be presented by one or two students.

The second follow-up activity is to compare the lists of phrasal verbs made by the students.

Then the discussion of the phrasal verbs can follow. The students should try to remember the sentences in which the phrasal verbs have been used. The appropriateness of the phrasal verb for the context should be in the focus of the discussion. The students will be asked to find synonyms for the phrasal verb in question, the synonym could be another phrasal verb or a one-word verb. Semantic differences between the phrasal verb and its synonym should be determined. The semantic analysis of some phrasal verbs can be carried out.

The next task is to retell the story using phrasal verbs.

As a home assignment the following tasks can be given:

- Make up another ending for a story, with at least one phrasal verb in it.
- Make the semantic analysis of some phrasal verbs from the story using monolingual dictionaries of phrasal verbs. Decide what category the phrasal verbs fall into.
- Describe any character from the story using at least one phrasal verb.

These are recurring exercises for each story. When all the stories have been presented and discussed, the dictation and test on phrasal verbs can be written.

Moreover, this activity can be presented in the form of the contest entry. With the best story chosen at the end of the module.

Conclusion

This learning module was implemented in the process of teaching two groups of students with the levels of English from B2 to C1. All students got actively involved in the process of studying phrasal verbs, with a majority of students acquiring a working

knowledge of phrasal verbs and showing a higher score in tests. Another positive result was that the students started using monolingual dictionaries and dictionaries of synonyms more frequently. However, this module application requires that the class size be relatively small (not more than 12 students). Another prerequisite is that the level of English in the class should be high enough (not lower than B2+).

Литература

1. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2012.
2. Прошина З. Г. EIL или EFL? Изменение буквы или новая концепция языкового образования? // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016, № 4. С. 171-186.
3. Тер-Минасова С.Г. Преподавание иностранных языков в современной России. Что впереди? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014, №2, С. 31-41.
4. Brown D.W., Palmer, C.C. The phrasal verb in American English: Using corpora to track down historical trends in particle distribution, register variation, and noun collocations // Studies in the History of the English Language VI / Ed. by Michael Adams [et al.]. Berlin/Munich/Boston, 2015.
5. Courtney R. Longman Dictionary of Phrasal Verbs. M., Русский язык, 1986.
6. Kondratenko E. Semantic features of phrasal verbs in different varieties of World Englishes. // Connecting professionally on ELT in Asia: Crossing the bridge to excellence. The 14th Asia TEFL International Conference and 11th FEELTA International Conference, Conference Handbook / Far Eastern Federal University. Vladivostok, Russia, 2016, P. 239-244.
7. Oxford Phrasal Verbs, Dictionary for learners of English. Oxford University Press, 2010.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Буробин Александр Владимирович
Aleksandr Burobin
Захарченко Светлана Сергеевна
Svetlana Zakharchenko

Ономастическая фразеология на газетной полосе

Onomastic phraseology on a newspaper page

Аннотация: Данная статья посвящена анализу фразеологических единиц (ФЕ), связанных с семантическим полем «экономика» и включающих в свой состав ономастическую лексику. Объектом исследования являются периодические российские издания, включающие статьи по экономической тематике. Авторы выделяют группу антропологических фразеологизмов с различными компонентами (закон, индекс, коэффициент и др.), ономастические топонимы (Кембриджское уравнение, Петербургский международный экономический форум), фразеологизмы, связанные с международными организациями (Международный валютный фонд).

Abstract: This article is devoted to the analysis of phraseological units associated with the semantic field of «economics» and incorporating onomastic vocabulary. The object of the study are periodical Russian publications, including articles on economic topics. The authors identify a group of anthropological phraseological units with different components (law, index, ratio etc.), onomastic toponyms (Cambridge equation, St. Petersburg international economic forum), phraseological units associated with international organization (International monetary fund).

Ключевые слова: ономастический, идиома, антропонимы, топонимы, термины.
Key words: onomastic, idiom, anthroponyms, toponyms, terms.

Фразеология – многоаспектный и обширный по составу корпус языковых единиц. Границы фразеологии до сих пор являются довольно размытыми, т.к. принято выделять фразеологию в «узком смысле» (классификация В.В. Виноградова) и в «широком смысле» (теория Н.М. Шанского). Широкий подход признаёт классификацию В.В. Виноградова (фразеологические сращения, единства и сочетания), но включает в состав фразеологических единиц пословицы, поговорки, крылатые выражения, цитаты из песен и кинофильмов, речевые штампы, терминологические и ономастические сочетания.

Ономастическая фразеология включает в свой состав антропонимы, топонимы, зоонимы и словосочетания, являющиеся названиями разного рода компаний и организаций.

Именно этот сегмент фразеологии часто вызывает затруднения при чтении экономической литературы иностранными учащимися, не знакомыми с реалиями и структурами современного российского общества.

Экономическая фразеология – сложная область научной речи которая предполагает не только знакомство с терминологией иностранного слушателя, но и необходимые элементарные знания по предмету и преподавателя–русиста.

Например, антропологический фразеологизм *дырявое ведро Оукена* совершенно непонятен без комментария о том, что знаменитый американский экономист, автор «закона Оукена» (1928–1980 гг.) считал социальную помощь «дырявым ведром», когда часть пособий уходит в карманы высокооплачиваемых администраторов, консультантов и сотрудников различных социальных и налоговых служб; он полагал что 80% денег, взятых у обеспеченных граждан теряются во время их передачи неимущим слоям населения

По подсчётам Оукена, утечка из «дырявого ведра» такова: из 350 долларов, взятых у состоятельных граждан, 250 теряются в процессе передачи бедным. Некоторые исследователи полагают, что цифра завышена, но даже если уменьшать её наполовину, всё равно она говорит об очень большой плате за равенство [Чепурин, Киселева, 2006]. Кроме того, порой бывает просто необходимо в группах среднего и средне–продвинутого уровня пояснить прямую номинацию о «дырявом ведре».

В эту большую по объёму группу антропологических фразеологизмов входят словосочетания, которые можно разделить на несколько семантических групп, классификацию которых следует основывать на ключевом слове всей устойчивой единицы.

Можно выделить группу фразеологических единиц по компоненту «закон»: закон Оукена, закон Сэя.

Большую группу фразеологических единиц составляют идиомы с компонентом «индекс»: индекс Герфиндаля, индекс

Герфиндаля–Хиршмона, индекс Ласпейреса, индекс Пааше, индекс Фишера.

Компонент «коэффициент» – коэффициент Джини. Компонент «кривая» – кривая Лаффера, кривая Лоренса, кривая Филлипса, кривая Энгеля.

Компонент «критерий» – критерий гиперинфляции по Кейгану.

Фразеологические единицы с компонентом «модель» – модель «Кенсианский крест» (по имени Джона Мейдара Кейнса (1883–1946 гг.), английского экономиста основателя кейнсианского направления в экономической теории)), модель Домара, модель Модель Манделла – Флеминга, модель роста Слоу, модель Харрода.

Фразеологические единицы с компонентом «равновесие» – равновесие Нэша, равновесие по Вальрасу, равновесие по Маршаллу.

Фразеологические единицы с компонентом «теорема» – теорема Коуза, теорема невозможности Эрроу, теорема Рыбчинского, теорема Хаавельмо, теорема эквивалентности Рикардо–Барро.

Фразеологические единицы с компонентом «теория» – теория Хекшера – Олина.

Фразеологические единицы с компонентом «товар» – товар Гиффена.

Фразеологические единицы с компонентом «эффект» – эффект Пигу, эффект Танзи–Оливера, эффект Фишера.

Фразеологические единицы с компонентом «ящик» – ящик Эджворта.

Относительно компактную группу составляют ономастические топонимы. Например, Кембриджское уравнение – уравнение, выведенное Альфредом Маршаллом в сотрудничестве с другими экономистами знаменитого Кембриджского университета в Великобритании, которое показывает, что частные лица хранят деньги, составляющие некоторую часть доходов, для осуществления задуманных сделок.

Фразеологические единицы Санкт–Петербургский парадокс (или Санкт–Петербургская лотерея) – парадокс,

иллюстрирующий расхождение между теоретически оптимальным поведением игрока и «здравым смыслом».

Парадокс был впервые опубликован Даниилом Бернулли (1700–1782 гг.), швейцарским физиком, механиком и математиком, который в 1725 году по царскому приглашению работал в открывшиеся по императорскому указу Петербургской Академии Наук. Даже после возвращения в Базель он остался почётным членом Петербургской Академии. Если преподаватель–предметник здесь должен будет остановиться на самой системе экономической игры, то преподаватель–русист, занимающийся научной речью, вправе внести в материал лингвистическую беседу о Петербурге, деятельности Петра I, Петербургской Академии Наук, рассказать о роли иностранцев в её работе.

Фразеологическая единица Красноярский экономический форум (КЭФ) связана с ежегодной конференцией, завершившей свою работу 14 апреля 2018 года, с общим названием «Россия 2018–2024: реализуя потенциал». В течение трёх дней собравшиеся обсуждали как федеральную повестку, связанную с реализацией послания президента России Федеральному Собранию, так и вопросы противодействия санкционному режиму.

Ономастический фразеологизм Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ, Русский Давос) отражает события, связанные с ежегодным деловым российским мероприятием, провидимым в Санкт–Петербурге с 1997 года, и с 2005 года при участии президента России. Каждый год эта конференция собирает около десяти тысяч участников более чем из 120 стран мира.

В прессе широко освещались результаты этого международного форума. В «Независимой газете» пишут: «Для обеспечения платежей может быть использован механизм государственных гарантии, То есть речь идет о внедрении своеобразный инфраструктурной ипотеки, когда инфраструктурный объект фактически покупается в кредит, полученный от частных инвесторов, а пользователь объекта этот кредит постепенно гасит», – пояснил на петербургском

экономическом форуме 2017 году Владимир Путин» [Чепурин, Киселева, 2006].

Фразеологическая единица Неделя Российского Бизнеса связан с ежегодным форумом российских предпринимателей, собирающихся в Москве и обсуждающих проблемы взаимодействия государства с частным бизнесом. В названии подчеркнута общегосударственная направленность конференции. Агентство РИА Новости медиагруппы «Россия сегодня» выступает генеральным информационным партнером Недели Российского Бизнеса – 2018.

Зоонимы среди фразеологизмов, связанные с экономикой, встречаются достаточно редко. Исключение составляют названия зоомагазинов. Больше всего среди фразеологических единиц названий с компонентом ЗОО. Пользуется известной популярностью такие бренды, как «Зоо друг», «Mr. Zoo» и некоторые другие. Встречаются названия с компонентами «любимец», «питомец», «дружок», вызывающие у покупателей ассоциации с домашними животными. Иногда номинация включает именование и различных животных, например «Пёс и Кот». Некоторые владельцы предпочитают названия, ассоциирующиеся с животными: «Всё для животных», «Всё для кошек и собак», наиболее оригинальные выбирают остроумные словосочетания – «Счастливый толстый кот», «Мяу Гав Зин», иногда в названиях отражаются названия мультфильмов – «Чип и Дейл», «Усатый полосатый», «Чеширский кот» и другие.

Всемирно известная компания Red Bull, производящая безалкогольные тонизирующие напитки, выбрала своей эмблемой двух красных быков, сражающихся на фоне золотого солнца. Подобный логотип вызывает ассоциации с агрессией, напором, силой, что необходимо для рекламы энергетика.

По наблюдениям за март-февраль 2018 г. в масс-медиа устойчивое первое место среди фразеологизмов занимают словосочетания, связанные с главным банком страны: Центральный банк Российской Федерации (Банк России, ЦБ РФ, ЦБ). Это, конечно, не случайно, Центральный банк Российской Федерации – особый правовой институт России, главный банк первого уровня. Главный эмиссионный и денежный кредитный регулятор страны, разрабатывающий и регулирующий во

взаимодействии с Правительством Российской Федерации единую государственную денежно-кредитную политику и наделённый особыми полномочиями. Статья 71 Конституции Российской Федерации определяет, что денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным Банком Российской Федерации, и оговорена его основная функция – защита и обеспечение устойчивости рубля, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти.

Например, в журнале «Эксперт» за апрель–май № 17 2018 г.: «Здесь стоит напомнить, что, начиная с 2015 года на фоне смягчения денежно–кредитной политики Центробанка, ставки по кредитам и депозитам банков планомерно снижались. Сейчас по данным Центрального банка, ставка по потребительским кредитам до одного года на сумму свыше 300 тыс. руб находится в диапазоне от 14 до 19% годовых» [9].

В «Независимой газете», которая отводит под экономические новости отдельную полосу, упоминания о ЦБ РФ тоже очень частотны. «Санкции. Банк России прорабатывает меры поддержки для компаний под санкциями, эти меры в том числе могут коснуться валютного контроля,– сообщили в ЦБ» [Чепурин, Киселева, 2006].

Вторым по частотности цитирования фразеологизмов, использующимся, как правило, в форме аббревиатуры является термин «Валовой внутренний продукт» (ВВП), английский эквивалент – Gross Domestic Product (G.D.P.). Макроэкономический показатель, отражающий рыночную стоимость всех конечных товаров и услуг, произведенных за год во всех отраслях экономики на территории государства для потребления экспорта и накопления, вне зависимости от национальной принадлежности использованных факторов производства. Впервые это понятие было введено в 1931 году Саймоном Кузнецом (1901-1985), эмигрировавшем в 1922 году из России в США (до эмиграции – Шимон (Семён) Абрамович Кузнец).

Из редакционной статьи «Останемся в зоне прагматичного»: «... Советский Союз был второй по мощности экономикой мира. Хотя слабость потребительского сектора и то,

что мы не сумели разогнать инновационную модель экономики в конце 1970-х годов, отрицать нельзя. Однако нельзя отрицать и второе место по ВВП» [Чепурин, Киселева, 2006].

Нередки упоминания фразеологической единицы ВВП и в «Независимой газете»: «Можно было бы надеяться на ускорение ВВП за счёт участия государства в различных масштабных проектах. Однако и здесь есть нюансы». «Можно ждать ухудшения макроэкономических показателей – ускорение инфляции, падения темпов роста ВВП», – прогнозирует ведущий сотрудник Института Алексей Ведев.

Среди самых цитируемых источников по экспертным оценкам одно из первых мест занимает устойчивый оборот, обозначающий Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара. Это некоммерческая научно–исследовательская организация, созданная в форме фонда, занимающаяся теоретическими и прикладными исследованиями в области экономики. Институт экономической политики был основан в 1990 году, в 1992 году был переименован в Институт экономики проблем переходного периода (ИЭППП), в 1999 году Институт Экономики переходного периода. его бессменным директором был Егор Тимурович Гайдар. 2010 году по инициативе коллектива и МПП в соответствии с указом президента Российской Федерации институт получил новое звание институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара.

В журнале «Эксперт» авторы часто ссылаются на экономические прогнозы, даваемые институтом Е.Т. Гайдара: «Апрельская оценка индекса промышленного оптимизма (ИПО) Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара показала продолжение восстановления этого показателя после локального февральского минимума» [9].

Из фразеологизмов, связанных с международными организациями, первое место по цитируемости занимает Международный валютный фонд (МВФ) РФ (англ. – International Monetary Fund, IMF) – специализированное учреждение ООН, со штаб–квартирой в Вашингтоне, США. Оно объединяет 189 государств, а в его структурах работает 2500 человек из 133 стран. Окончательный вариант соглашения

подписали 29 государств 27 декабря 1945 года – официальная дата создания этой организации.

Россия имеет 2,74% голосов в МВФ. «Независимая газета» часто упоминает в экономических статьях эту организацию. «МВФ вчера сообщил, что рост ВВП Российской Федерации в 2018 году будет 1,7%, а в 2019 году замедлится до 1,5 %» [Чепурин, Киселева, 2006]. «Международный валютный фонд изменит свою политику надзора». «Фонд приступает к проведению масштабных пересмотров в своей политике, в том числе в отношении надзора, программы оценки финансового сектора, условий и программ, поддерживаемых МВФ, инструментов льготного кредитования, анализа устойчивости долговой ситуации и развития потенциала».

Несколько уступают МВФ в количественном отношении упоминания об ОПЕК и ОПЕК +. В входе работы со студентами-иностранцами старших курсов выяснилось, что даже они не всегда ясно представляют себе разницу между этими двумя словосочетаниями-аббревиатурами. Организация стран-экспортеров нефти (англ. The Organization of the Petroleum Exporting Countries; сокращённо ОПЕ́К, англ. OPEC) – международная межправительственная организация, созданная нефтедобывающими странами в целях контроля квот добычи на нефть. С 1998 года Россия является наблюдателем в ОПЕК. В 2015 году ОПЕК предлагал войти в её состав, однако страна решила оставаться наблюдателем. Так как добыча нефти существенно влияет на все мировые экономические показатели, то роли ОПЕК отводится существенное место в прессе. «Независимая газета»: «ОПЕК вчера сообщила, что картель снизил совокупную суточную нефтедобычу в месячном выражении на 201,4 тыс. баррелей до 31,958 баррелей в день. По сравнению с октябрем 2016 года картель в рамках соглашения ОПЕК + снизил суммарную добычу более чем на 2 млн. баррелей в сутки, перевыполнив план на 61%» [Чепурин, Киселева, 2006]. ОПЕК + - это соглашение, принятое странами-экспортёрами нефти по сокращению добычи «чёрного золота».

В заключении далеко не полного обзора современной ономастической фразеологии, имеющей отношение к экономической области, хочется привести в пример ещё одно

словосочетание, лишь опосредованно связанное с данной областью. Речь идёт о фрагменте в статье Михаила Калашникова «Явь простого человека» [9]. «Отдельная тема – монастыри. Основанные очень ревностными монахами, Иосифо-Волоколамский монастырь, Соловки, Валаам были высшими образцами ведения хозяйства. Многие монастыри спасали крестьян в годы неурожаев». Здесь названия древнерусских обителей являются не только носителями духовно-религиозного просвещения, наречённым оплотом сопротивления в годы иноземной экспансии, но и нередко экономическим центром всего края, дававшего работу многим монастырским слободам, деревням и селам.

Русская ономастическая фразеология имеет, безусловно, ряд отличительных признаков. Так как в основном она состоит из терминологических сочетаний, то её эмоционально-стилистическая окрашенность в большинстве случаев остается нейтральной, в отличие от основного фонда фразеологических единиц современного русского языка, где преобладает негативная коннотация (кроме названий зоомагазинов, где собственники стараются подобрать что–то весёлое, позитивное, вызывающее только положительные эмоции). В методическом плане следует обращать внимание преподавателей-словесников на хотя бы элементарное знакомство с современными реалиями экономической жизни при семантизации фразеологических единиц.

Литература

1. Бурдина Е.А., Янченко М.А. Фразеологизмы в языке современных средств массовой информации. // Молодежь в науке: Новые аргументы Сборник научных работ II-го Международного молодежного конкурса. Отв. ред. А.В. Горбенко. 2015. С. 177-181.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М: Индрик, 2005 . 1040 с.
3. Волкова Н.А. Фразеологизмы как средство создания эмоционально - экспрессивной окраски в печатных СМИ. // Новая наука: От идеи к результату. 2016. № 5-3 (84). С. 89-92.

4. Громова О.В., Филиппова Е.П. Новые фразеологизмы в русском языке. // Студенческая наука Подмосковью. Материалы международной научной конференции молодых ученых. Министерство образования Московской области, ГОУ ВПО Московский государственный областной гуманитарный институт, 2013. С. 68-69.
5. Корюкаева К.С. Устойчивые выражения и фразеологизмы в современной политической речи. // Общественные науки. 2015. № 6-1. С. 88-96.
6. Курс экономической теории. Под ред. Чепурина М.Н., Киселевой Е.А. 5-е изд., испр., дополн. и перераб. Киров: АСА, 2006. 832 с.
7. «Независимая газета».
8. Трофимова Т.В. Фразеологизмы в свете когнитивно-коммуникативного подхода в методике преподавания русского языка. // Проблемы современного филологического образования. Сборник научных статей. Отв. редактор В.А. Коханова. 2016. С. 280-285.
9. «Эксперт».
10. Фразеологический словарь русского языка. Сост. М.И. Степанова. СПб.: Виктория плюс. 2008 . 608 с.
11. Яранцев Р.И. Русская фразеология: словарь. М.: Рус .яз. Медиа, 2006. 896

Вишнякова Елизавета Александровна
Elizaveta Vishnyakova

Функционально-семантические особенности англоязычных аббревиатур (комплексный подход к исследованию)

Functional semantic peculiarities of English abbreviations (the integrated approach)

Аннотация: Аббревиатура представляет собой сокращенное наименование, возникающее в результате структурной трансформации языковых единиц, подвергающихся процессам редукции и сложения. Результат данного процесса находится в неоднозначных отношениях со своим прототипом, которые зависят от целого ряда факторов как собственно лингвистического, так и экстралингвистического

характера. Деятельность по созданию и дешифровке аббревиатуры тесным образом связана с интерпретационными и контекстуальными факторами, оказывающими влияние на процесс смыслового становления значений данных языковых единиц в речи. Важная роль в изучении функционально-семантических характеристик аббревиатуры принадлежит рассмотрению различных типов контекста, в котором функционирует сокращенная единица: лингвистическому, социокультурному, когнитивному. Когнитивный контекст рассматривается в терминах концептуально-тематических областей, определяющих специфику языковой репрезентации различных форматов знания и возможности их продуцирования. Концептуальные основания, лежащие в основе создания рассматриваемых языковых форм, выступают в качестве содержательно-структурирующего начала данного процесса на ментальном и языковом уровнях и обладают в различной степени выраженной национально-культурной спецификой в реальной речи.

Abstract: An abbreviation can be regarded as a contracted nomination that appears as the result of structural transformation of linguistic units subjected to reduction and compound. The result of this process is characterized by ambiguous relations with its prototype, which depends on a number of factors, both linguistic and extralinguistic. The activity of creating and decoding abbreviations is closely connected with the interpretational and contextual factors that influence the process of semantic formation of meanings of these linguistic units in speech. An important role in the study of functional and semantic characteristics of an abbreviation belongs to the analysis of various types of context in which the abbreviated unit functions, i.e. linguistic, sociocultural and cognitive types of context. The cognitive context is considered in terms of conceptual thematic areas that determine the peculiarities of linguistic representation of various formats of knowledge and the possibility of their production. The conceptual basis that presents the foundation for the linguistic forms under analysis creation can be regarded as the structurizing and content initial stage of this process on both mental and linguistic levels and possess national cultural specificity that manifests itself differently in the actual speech reality.

Ключевые слова: аббревиация, знание, лингвистический контекст, социокультурный контекст, интерпретация, прототип, концептуальное основание, когнитивный контекст.

Key words: abbreviation, knowledge, linguistic context, sociocultural context, interpretation, prototype, conceptual basis, cognitive context.

Аббревиатура как сокращенное наименование, возникшее в результате оптимизации речевого процесса, продолжает привлекать внимание исследователей по причинам различного характера. Важными в практическом отношении являются проблемы декодирования аббревиатур с наиболее полным и адекватным раскрытием заложенных в них смыслов, в том числе вопросы взаимоотношения сокращенной единицы со своим прототипом, а также вопросы, связанные с установлением роли аббревиации в качестве проводника контактоустанавливающей функции в тексте и дискурсе, с возможностями реализации потенциала сокращенных единиц в целях передачи и экспликации новой информации и т.д. Известно, что

исключительная значимость в процессе расшифровки аббревиатуры[1] принадлежит контексту ее реализации в конкретных условиях речевого функционирования. Особенно это касается аббревиатур омонимического характера, декодирование которых всецело зависит от контекстуальных условий их реализации. Так, например, аббревиатура BP по данным сетевого источника "What does BP stand for?" может быть представлена как: 1) "**Best Answer:** In chemistry BP is Boiling Point . In biology BP is boiling point and in pharmaceutics BP stands for British Pharmacopia";
2) "Binding potential Blood Pressure
British Pharmacopoeia
BP, an energy corporation formerly known as BP Amoco
BP Canada, the Canadian subsidiary
IATA code for Air Botswana
Bharat Petroleum, an Indian oil company
Banco Popular, a financial institution in Puerto Rico
Boston Pizza, a Canadian restaurant chain
Broadcast Programming, a distributor of radio formats";
3) " Blood Pressure
British Petroleum
Battery Pack
Brain Power
Branching Point
Basic Programs
Bharat Petroleum
British Pound
Beautiful People";

4) "Blood Pressure and British Petrolium as well. You can call short of a name like Birendra Pratap or Badri Prasad or British Press etc"[Education & Reference (Эл. ресурс)].

BP – Batch Processing, Bills Payable, Book Profit, Botswana Airways (airline), ch of Promise, British Petroleum Company, PLC, The (NYSE), Burden of Proof [Rosenberg, 1992:47].

1 Термин «аббревиатура» используется в данной статье в широком смысле и применяется по отношению к сокращениям любых типов, то есть единиц, возникших в результате процессов сокращения (редукции) и сложения сокращенных элементов [Ахманова, 1966: 27; Дюжикова, 2013: 8; Кубрякова, 1981: 71]

Обращение к контекстам реализации данной языковой единицы позволяет выявить специфику ее смыслового становления. Например: “How skin plays an important role in controlling your **BP** ... LONDON: Skin, the largest organ, typically covering two square metres in humans, plays a surprising role in regulating blood pressure and ...” [Online Language Dictionaries (Эл. ресурс)] (медицинский термин Blood Pressure); “Performance targets of energy companies Royal Dutch Shell and **BP** remain too heavily biased towards hydrocarbon production” [Там же] (эргоним British Petroleum); “British Pharmacopoeia (BP) provides official standards for pharmaceutical substances and medicinal products. British Pharmacopoeia Commission is an advisory non-departmental public body, sponsored by the Department of Health and Social Care” [British Pharmacopoeia Commission. (Эл. ресурс)] (название источника нормативных документов - British Pharmacopoeia).

Приведем еще ряд сокращенных наименований-омонимов, по-видимому, требующих обязательного обращения к контекстуальным параметрам в целях адекватной расшифровки: PRC – People’s Republic of China, Philippine Railway Company, Procession Register Clock, Programme Rout Control; PRA – Page Replacement Algorithm, Premium Audit, Probabilistic Risk Assessment; FBI- First Boston Strategic Income Fund Inc. (NYSE), Federal Bureau of Investigation, ARC – American Red Cross и другие. Вместе с тем, следует отметить тот факт, что в целом ряде случаев важным параметром определения значения аббревиатуры служит общекультурный контекст, определяющий знания о мире, те фоновые знания, которыми обладают члены языкового коллектива. Именно поэтому даже среди сокращенных наименований из приведенного выше списка будут найдены те, которые обладают приоритетом с точки зрения семантического выбора коммуникантов, даже не знакомых с определенным контекстом употребления (например, PRC – People’s Republic of China, FBI - Federal Bureau of Investigation). В этом плане могут быть приведены такие получившие распространение и статус общепризнанных, употребляемых как социокультурно обусловленные полнозначные самостоятельные слова аббревиатуры, как NATO

(North Atlantic Treaty Organization), NASDAQ (National Association of Securities Dealers' Automated Quotations), NBC (National Broadcasting Company), CBS (Columbia Broadcasting System), BBC (British Broadcasting Corporation), ASEAN – Association of South East Asian Nations, NYSE – New York Stock Exchange, USSR – Union of Soviet Socialist Republics, US – United States (of America) и другие, реализация которых в речи в свою очередь выполняет контекстообразующую функцию вследствие высокой степени их лингвокультурной значимости.

Отметим в этой связи, что, как можно предположить, употребление омонимичных сокращений либо вызвано необходимостью их создания вследствие традиционного регулярного использования данной лингвистической модели в определенной области находящей отражение в языке человеческой деятельности, в том числе вследствие осуществляемой совместно, либо в целях намеренного привлечения внимания путем использования структурно идентичного известным номинациям названия, например, CBS – CBS Inc. (NYSE), US – Unauthorized Strike, Underlying Stock (Security), Union Shop, Unit Separator character, Unlisted Security, Unregistered Stock, BBC - Bergen Brunswig Corp. (ASE), FBI- First Boston Strategic Income Fund Inc. (NYSE).

Вместе с тем проблема декодирования сокращенных лингвистических выражений выходит далеко за рамки осуществления простых трансформаций с целью развертки оптимизированной на формально-содержательном уровне языковой структуры, за которой, как правило, стоит не только определенный информационный пласт, но и соответствующий формат знаний. По мнению исследователей, структуризация форматов знания обусловлена процессом осмысления и интерпретации человеком явлений окружающего мира [Вишнякова, 2018; Wiezbicka, 1988][2]. В этом плане особого внимания заслуживает тезис о том, что представленные на лингвистическом уровне в виде языковых значений форматы

2 Так, А. Вежбицка отмечает: "In natural language meaning consists in human interpretation of the world. It is subjective, it is anthropocentric, it reflects predominant cultural concerns and culture-specific modes of social interaction as much as any objective features of the world 'as such'. 'Pragmatic meanings' are inextricably intertwined in natural languages with meanings based on 'denotational conditions" [Wiezbicka, 1988, p. 2].

знаний выступают как результат интерпретационных процессов, осуществляемых в сознании человека в ходе формирования и освоения данной ментальной структуры и ее лингвистического выражения [Болдырев, 2014; Вишнякова, 2018; Демьянков, 1999], а также ее в различной степени выраженного семантического преобразования в процессе восприятия и понимания, а в случае с сокращениями — структурного преобразования, которое может сопровождаться целым рядом различных явлений, где процессы редукции или сложения частей в единое целое также могут повлечь за собой ряд смысловых трансформаций. Следует особо подчеркнуть в этой связи роль собственно языковых факторов. Указывая на созидательную роль языка, С.Г. Тер-Минасова пишет: «Взаимоотношения человека с окружающим его миром в большинстве своем выражаются в языке и во многом формируются языком» [Тер-Минасова, 2008: 23].

Лингвистический контекст, особенности которого обусловливают специфику смыслового становления языковых значений, лежит в основе идентификации и экспликации созданных в соответствии с определенными моделями сокращенных языковых единиц. Аббревиатуры, выступающие как единицы языковой номинации, приобретают характеристики, полностью соотносимые с характеристиками самостоятельных слов, и, как отмечают исследователи, в некоторых случаях могут в определенном отношении содержательно отличаться от своих прототипов (исходных языковых форм), например, на уровне приращения значений [Дюжикова, 2013: 101], структурно и семантически трансформируясь вследствие приобретения новых лексико-фразеологических и морфосинтаксических свойств вследствие своего функционирования в речи, в том числе – в особых знаковых ситуациях, предполагающих реализацию именно сокращенных выражений, где специфика структурно-содержательных взаимодействий обусловлена спецификой возникновения и распределения точек языкового соприкосновения. Особо следует выделить процесс формирования метафорических значений у сокращенной языковой единицы. Следует добавить, что исключительно

важную роль в процессе формирования функционально-семантических характеристик аббревиатуры и ее смыслового становления в контексте играет социокультурный фактор, иными словами, - социокультурный контекст.

Приведем ряд примеров. Так, в новозеландском английском широкое распространение получила усеченная форма cuz, произошедшая от другой аббревиатуры - cuzzie (соответственно, от полной единицы-прототипа cousin). В культуре исконного населения Новой Зеландии — маори, английский язык которых, как и язык других представителей Новой Зеландии, буквально изобилует сокращениями, единицы cuz и cuzzie стали употребляться в более широком значении — по отношению к любому из соплеменников или соратников, приобретая ряд различных коннотаций в соответствующих стилистически окрашенных контекстах: “Maori were largely unfamiliar with European familial structure. They adhered strongly to a knowledge of aristocratic succession and lineage, and in closer domestic situations were accustomed to a complex system including adoptions, half-siblings and children being raised by grandparents. Maori therefore often used the English word cousin to describe all types of relatives because it satisfied European expectations and prevented embarrassment and further questioning. The word became widespread. Young Maori quickly turned the tables by deliberately using the word in wildly improbable and eventually comic contexts. Cousin developed into cuzzie, and its use was popularised by famous comedian the late Billy T. James” [Cryer, 2006: 47].

Другим примером приобретения семантической самостоятельности аббревиатурой, созданной по типу сложносокращенного слова, может послужить единица aggro, реализуемая в качестве результата сложения двух слов aggravate и aggression. Значения данных единиц могут быть соответственно представлены исходными основами как “aggravate – to make a bad situation, an illness, or an injury worse; to make someone angry or annoyed”, “agression – angry or threatening behaviour or feelings that often result in fighting; the act of attacking a country, especially when that country has not attacked first” [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]. Сокращение и объединение двух основ, представленное в

аббревиатуре aggro - "*informal* angry behavoiur or fighting, problems or difficulties that annoy you" (примеры употребления: "I hope he doesn't cause any aggro; I can't cope with all this aggro" [Там же])– характеризуется процессом семантической трансформации с референциальной и качественной точек зрения. Исследователи отмечают: "The meaning of aggro has both widened and weakened: it can indicate either a potential street fight, or something as minor as a person being a few minutes late, thus causing aggro to the person waiting. *Bernie couldn't play rugby on Saturday – he damaged his hands after some aggro in the street on Friday night*" [Cryer, 2006: 47].

Важно подчеркнуть тот факт, что самостоятельность аббревиатур[3], выделенность их в потоке речи как отдельных, характеризуемых высокой частотностью употребления слов в известной мере обусловлена спецификой их функционирования в различных профессиональных областях. Например, язык медицины характеризуется значительным объемом сокращенных единиц, выступающих как самостоятельные слова, с течением времени приобретающие собственные характеристики содержащего их синтаксического контекста, т. е. совокупности лексико-фразеологической и морфосинтаксической сочетаемости, а также особенности различных частей речи, отличных от особенностей существительного, и возможность перехода в новые грамматические категории. Например, в следующих высказываниях проявляются различные лингвистические свойства аббревиатуры RNA (ribonucleic acid), выступающей как в функциях субстантива - подлежащего и дополнения, так и в атрибутивной и предикативной функциях: RNA is a single chain of nucleotides, equivalent to one strand of the double helix of DNA [Youngson, 1992: 530]; The projects bring together biologists, dentists and bio-engineers and span a range of technologies, from an artificial nose that can sniff out infectious particles to a genetic test that can identify fragments of RNA in saliva; The first looks for human antibodies to the infectious agent, the second for an antigen

3 В этом плане следует уделить особое внимание собственно речевым свойствам аббревиатур, а именно прагматическому и стилистическому аспектам их функционирования [Горшунов, 1999: 63].

on the surface of the pathogen, and the third and fourth amplify viral RNA or bacterial DNA; One team at UCLA has had success in detecting signs... by analyzing the RNA found in saliva; We RNA what we eat [Kahn, 2005: 14-15]; RNA polymerase is an enzyme that is responsible for copying a DNA sequence into an RNA sequence, duyring the process of transcription [RNA polymerase. Learn Science at Scitable – Nature (Эл. ресурс)].

Специального внимания заслуживает реализация единицы RNA в качестве глагольной словоформы, используемой автором в том числе и в риторико-стилистических целях для привлечения и активизации внимания читателя, а также создания особого стилистического эффекта, основанного на придании динамики повествованию, обусловленной использованием новой глагольной формы от основы, являющейся ключевым смысловым элементом данного текста, представленным в его заглавии: WE RNA WHAT WE EAT. Можно также предположить, что содержательная структура вербализованного понятия, выраженного аббревиатурой RNA, приобретая на уровне языковой формы значение процесса и действия, свойственное глаголу, характеризуется большей гибкостью и адаптивной способностью к трансформациям в новые структуры знания, что отражено и в динамике репрезентирующей данное значение языковой формы. Слово-сокращение RNA, выступавшее ранее в субъектно-объектных функциях (подлежащее и дополнение), приобретает смысловые характеристики действия, в понятийном (концептуальном) плане соотносимого с активностью и самостоятельностью, что находит выражение на уровне подвижности его обобщенно грамматического значения. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что данное положение не должно рассматриваться как некое заранее очевидное прямое соотношение, отражающее референциально обусловленную зависимость мобильной способности грамматических значений языковых единиц от проявления динамического характера концептуальных оснований ментально-языковых структур, и наоборот, - процессы такого рода требуют еще более детального осмысления и дальнейшего изучения. Отметим также, что реализация единицы RNA в глагольной функции является на

данный момент развития английского языка окказиональным употреблением, что также может рассматриваться как отражение динамики процессов, происходящих в области формирования и смыслового становления ментально-языковых структур.

Безусловным фактором в укреплении тенденции к самостоятельности аббревиатуры является ее способность кратко и емко выражать заложенное в ней значение, в котором концентрируется весь комплекс необходимых для передачи в процессе коммуникации смыслов. Исследователи отмечают тот факт, что аббревиатура может выполнять текстообразующую и стилеобразующую функции, способствуя реализации категорий информативности, адресованности, ретроспекции, проспекции, а также участвовать в реализации когерентности и когезии текста [Бессонова, 1993]. Добавим также, что в случае реализации аббревиатуры в тексте оптимизации подвергается не только данная сокращенная единица, но и все текстовое пространство, содержащее сокращенные единицы и в свою очередь обеспечивающее адекватную передачу смысловых характеристик функционирующей в нем аббревиатуры.

В.В. Виноградов писал о том, что реализация нового значения в лексической системе языка сопряжена с тем, что оно «вступает в связь и во взаимоотношение с другими элементами сложной и разветвленной структуры языка. Только на фоне лексико-семантической системы языка, только в связи с ней определяются границы слова, как сложной и вместе с тем целостной языковой единицы, объединяющей в себе ряд форм, значений и употреблений» [Виноградов, 1953. С. 5]. Вхождение языковой единицы в систему языка через посредство ее актуализации на уровне речевой действительности обусловливает возможность появления в ней целого ряда особенностей, в том числе в плане реализации коммуникативно-прагматической функции языка, предполагающей адекватность понимания смыслов, содержащихся в сокращенном выражении, со стороны адресата, одновременно выполняющего роль дешифровщика и интерпретатора. Следует подчеркнуть в связи с этим тот факт, что как адресат, так и адресант сообщения являются членами данного языкового коллектива и — более

широко — данного лингвокультурного социума, - что оказывается исключительно важным в первую очередь с точки зрения анализа дискурсивных взаимодействий. По словам С.Г. Тер-Минасовой, «язык — это живая, непрерывно работающая и развивающаяся способность к общению с другими людьми, которая формирует личность своего «носителя», определяет его место в обществе, его судьбу; это особый «дар», который принадлежит не одному «носителю», а всему коллективу, всему народу, объединенному этим языком, это не личная, а общественная собственность» [Тер-Минасова, 2008: 22].

Следует также подчеркнуть, что уже на этапе создания аббревиатуры подразумевается осуществление определенного процесса интерпретации, выступающего как целенаправленная когнитивная деятельность, обусловливающая достижение прогнозируемого понимания, а в данном случае - исходя из положения об экономии языковых средств и ментальных усилий - облегчающая процесс этого понимания. Выход за пределы собственно языковых границ, обращение к области когнитивных структур, обусловливающих процесс формирования структур знания, лежащих в основе формирования языковых значений и их интерпретации, закономерно предполагает обращение к изучению концептуальных основ процесса формирования и реального существования значения языковой единицы, то есть тех оснований ментально-языкового характера, которые выполняют функцию содержательно-структурирующего начала в процессе формирования и реализации языкового значения и, вместе с тем, обладают национально-культурной спецификой. Иными словами, речь идет о понятии концептуальных оснований, или понятии внутренней формы слова, получившей освещение в научных исследованиях с различных позиций и применительно к разным аспектам языкового значения [Ахманова, 1966: 81; Гумбольдт, 1984:71; Потебня, 1989: 165]. Е.Г. Беляевская вводит понятие концептуальной внутренней формы, определяемое как «концептуальная структура, лежащая в основе семантики некоторого языкового явления и сообщающая ей определенную структурную организацию» [Беляевская, 2009: 343], и отмечает тот факт, что «гипотеза о двухслойном строении семантики

языковых сущностей, состоящей из собственно смыслового содержания и концептуальной внутренней формы, структурирующей это смысловое содержание, прямо подтверждается данными сопоставления разных языковых систем, позволяющими предоставить многочисленные примеры того, что соотносительные слова разных языков и буквальные переводы речевых высказываний передают существенно различающиеся смыслы… Подобные явления можно объяснить не узусом употребления (как это обычно делается), а действием концептуальной внутренней формы» [Беляевская, 2009: 349]. Представляется существенным также подчеркнуть тот факт, что особого внимания в случае выявления специфики процессов создания и дешифровки аббревиатуры, соотносимой с определенным прототипом, заслуживает проблема взаимодействия концептуальных оснований (концептуальной внутренней формы) и языковой репрезентации данной смысловой структуры, в том числе и в плане реализации сокращенной языковой единицы в различном контекстуальном окружении, с учетом тесной взаимосвязи содержательного и структурного аспектов данного феномена.

Проблема функционирования единиц языка, репрезентирующих определенные форматы знаний, непосредственно связана с обращением к понятию когнитивного контекста. Значимость выявления когнитивного контекста реализации ментально-лингвальных структур обусловлена тем фактом, что «контекст знаний, отражающий весь познавательный опыт человека как отдельной личности (индивидуальный опыт познания мира) и как представителя определенных социума и культуры (коллективный опыт познания мира), выполняет двоякую функцию в любой деятельности человека» [Болдырев, 2014: 119], - что соотносится с положением о способности данного феномена к членению действительности на уровне индивидуальных и коллективных когнитивных схем — алгоритмов восприятия и интерпретации воспринимаемой действительности, с одной стороны, и возможности на его основе осуществлять вторичное осмысление и интерпретацию тех или других явлений и процессов в терминах концептуализации и категоризации

вторичного порядка [Там же], - с другой. В этом отношении определенного внимания заслуживает идея о вычленении определенных концептуально-тематических областей, выступающих как области определения смыслов в процессе их формирования, как сферы выявления «вектора интерпретации» [Вишнякова, 2018: 22], тесно связанного с культурными и языковыми аспектами контекстуальной обусловленности смыслового становления языковых значений и стоящими за ними концептуальных содержаний.

Современный английский язык характеризуется высокой способностью реализации своего потенциала по созданию сокращенных языковых единиц — аббревиатур, демонстрируя свою специфику в плане их определенной самостоятельности, обусловленной целым рядом языковых и социокультурных факторов, по отношению к прототипическим языковым единицам, - что может быть выявлено как на уровне создания сокращенных наименований, так и в процессе их дешифровки. В этом отношении следует обратить внимание на различные смысловые сдвиги в структуре значения аббревиатуры, как на семантическом, так и концептуальном уровнях, осуществляемые в том числе и в ходе формирования новых знаний в процессе осмысления и интерпретации уже известных, а также в целях языкового манипулирования в процессе образования новых концептуальных структур4. Важная роль в данном случае принадлежит фоновым и профессиональным знаниям коммуникантов, структурированным в соответствии с представленностью в их сознании определенных концептуально-тематических областей (когнитивного контекста).

Обратимся к материалу.

The year 2018 has been a good one for BP Plc. (NYSE:BP). On the one hand, the European company's performance has improved drastically backed by the rebound in commodity prices in the last few quarters. On the other hand, the company has been

4 Например, Р.И. Павилёнис отмечает созидательную роль вербальных средств в процессе концептуализации: «Кодирование концептов системы вербальными выражениями являет не только предпосылку вербальной социальной коммуникации. Естественный язык, символически фиксируя определенные концепты концептуальной системы мира, дает возможность ... *манипулировать концептами системы*» [Павилёнис, 1983: 113-114].

delivering successfully on its expansion plans, by starting several major upstream projects under budget and on or ahead of schedule, setting a positive tone for 2018 [Here's Why We Believe BP's Stock Is Worth $46 Per Share. (Эл. ресурс)].

В приведенном высказывании содержатся рассмотренные нами выше языковые единицы, заимствованные из словаря сокращений в области бизнеса, где определение аббревиатуры BP развернуто представлено как British Petroleum Company, PLC, The (NYSE), то есть название компании зафиксировано с указанием на ее статус в Великобритании (маркировано аббревиатурой PLC – Public Limited Company). Другой важной характеристикой, репрезентирующей понятие, стоящее за аббревиатурой BP, является сокращенная единица The (NYSE) – New York Stock Exchange (Нью-Йоркская фондовая биржа, определяющая индексы для акций промышленных компаний и тесно связанная с финансово-промышленной транснациональной структурой British Petroleum). Очевидно, что в данном случае процесс понимания данных языковых значений обусловлен особенностями информированности читателя (или слушателя), уровня их знаний, предполагающих разные концептуальные основания с точки зрения смысловой интерпретации рассматриваемых сокращенных единиц, автоматически - без необходимости осуществления процесса декодирования данных аббревиатур, воспринимаемых профессионалом в качестве специальных понятий сферы бизнеса, с одной стороны, и непрофессионалом, имеющим ограниченное представление об указанных феноменах, требующее определенных усилий по расшифровке сокращенных языковых форм и их дальнейшей ментальной переработке, с привлечением ассоциативного уровня процесса концептуализации, взаимодействующего с обусловленными национально-культурными нюансами когнитивными основаниями - с другой. В этом отношении важно подчеркнуть тот факт, что воспринимаемая профессионалом в виде уже знакомой и интерпретируемой как несущая определенные смыслы в целях передачи новой в данном контексте информации аббревиатура, выступающая в качестве репрезентанта структуры известного знания, становится у

специалиста отправной точкой для процессов дальнейшего накопления, переработки и появления новых знаний в рамках определенной концептуально-тематической области, определяющей процесс смыслового становления выражающих данные содержания языковых значений. Когнитивный контекст обусловливает возможность структуризации этих знаний в пределах данной концептуально-тематической области и создания новых форматов их представления. Можно также отметить выполняемую данной аббревиатурой, выступающей как знак-признак, семиотическую (сигнализирующую) функцию в процессе профессиональной коммуникации.

Таким образом, изучение аббревиации в английском языке, который в настоящее время характеризуется высоким уровнем активности данного процесса, требует всестороннего подхода, учитывающего собственно лингвистические, социокультурные и когнитивно-концептуальные аспекты реализации сокращенных единиц. В этом отношении особого внимания заслуживают вопросы, связанные с рассмотрением концептуальных оснований создания и функционирования аббревиатур, обладающих соответствующим потенциалом в плане хранения и передачи знаний путем представления их различных форматов на уровне языка.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. - М.: Издательство «Сов. энциклопедия», 1966. - 607 с.
2. Беляевская Е.Г. Концептуальные основания семантики и «внутренняя форма» языковых единиц/ Е.Г. Беляевская//Когнитивные исследования языка. Вып. II: Проблемы репрезентации в языке: сб. науч. тр./гл. ред. серии Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. - М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. - С. 342- 351.
3. Бессонова Н.П. Функционирование сокращений в тексте (на материале английских текстов по механизации сельского хозяйства). Автореф. дисс. … канд. филол. наук /Н.П. Бессонова. - Спб., 1993. - 16 с.

4. Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире /Н.Н. Болдырев //Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 5 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 118-122.
5. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова/ В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 3-29.
6. Вишнякова О.Д. Язык как инструмент смысловой интерпретации (на материале современного английского языка)/ О.Д. Вишнякова //Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 17-27.
7. Горшунов Ю.В. Прагматика аббревиатуры. Дисс. … докт. филол. наук / Ю.В. Горшунов. - М., 1999. - 299 с.
8. Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт. - М.: Прогресс, 1984. - 400 с.
9. Демьянков В.З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики/ В.З. Демьянков // Когнитивные аспекты лексикографии //Вопросы филологии. 1999. № 2. С. 5-13.
10. Дюжикова Е.А. Аббревиация в современном английском языке (когнитивно-дискурсивные аспекты) / Е.А. Дюжикова. - Одинцово: АНОО ВПО «ОГИ», 2013. - 320 с.
11. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. - М.: Наука, 1981. - 200с.
12. Потебня А.А. Мысль и язык// А.А. Потебня //Слово и миф. М.: Издательство «Правда», 1989. - С. 17-200.
13. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. Вопросы теории и практики межкультурной коммуникации / С.Г. Тер-Минасова. - М.: СЛОВО/SLOVO, 2008. - 344 с.
14. British Pharmacopoeia Commission [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gov.uk/government/organisations/british-pharmacopoeia (дата обращения 7.09.2018).
15. Cryer, Max. The Godzone Dictionary of favourite New Zealand words and

16. phrases/ Max Cryer. - Auckland: Exisle Publishing, 2006. - 191 p.
17. Here's Why We Believe BP's Stock Is Worth $46 Per Share [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.forbes.com/sites/greatspeculations/2018/08/31/heres-why-we-believe-bps-stock-is-worth-46-per-share/#22ba6e7b3fad (дата обращения 14.09.2018).
18. Education & Reference Words & Wordplay. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://answers.yahoo.com/question/index?id=20090727033859AAhoayf (дата обращения 14.09.2018).
19. Kahn, Jennifer. We RNA What We Eat / Jennifer Kahn // Discover. October 2005. P. 14-15.
20. Longman Dictionary of Contemporary English. 6th Edition. - Longman, 2014. - 2081 p.
21. Online Language Dictionaries. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.wordreference.com/definition/bp (дата обращения 12.08.2018).
22. RNA polymerase. Learn Science at Scitable – Nature [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nature.com/scitable/definition/rna-polymerase-106 (дата обращения 15.09.2018).
23. Rosenberg, Jerry M. McGraw-Hill Dictionary of Business Acronyms, Initials and Abbreviations /Jerry M. Rosenberg. McGraw-Hill, Inc., 1992. - 352 p.
24. Wiezbicka, Anna. The Semantics of Grammar/AnnaWiezbicka. - Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. - 617 p.
25. Youngson, R. M. Collins Dictionary of Medicine/R. M. Youngson. - HarperCollins, 1992. - 672 p.

Кузьменко Евгения Львовна
Eugenia Kuz'menko

Вербальная презентация восприятия природы этно-семантической личностью (на материале фразеологических и паремиологических единиц)

Verbal presentation perception of nature of the ethno-semantic person (on a material of phraseological and paremiological units)

Аннотация: Статья посвящена проблемам отражения в языке восприятия природы языковой личностью. На материале английского и русского языков определяются и характеризуются семантические группы, из которых складывается концепт «Восприятие» личности.

Abstract: The article illustrates how perception of the nature of linguistic personality are reflected in the language. Using the material of English and Russian, the author defines and characterizes semantic groups, on the basis of which concept "Perception" of the person is formed.

Ключевые слова: концепт, семантика фразеологических единиц, языковая картина мира, восприятие, языковая личность.

Key words: concept, semantics of phraseological units, the language picture of world, negative feelings, linguistic personality.

Язык как отражение фольклорной культуры, философии и психологии, а иногда и как единственный источник знаний об истории народа-носителя языка, уже давно находится под пристальным вниманием в научных изысканиях. Два века назад в своих трудах по основам сравнительной лингвистики Вильгельм фон Гумбольдт отметил, что благодаря пониманию разнообразия человеческих языков раскрываются два аспекта взаимоотношений человека с миром: 1) знание человечества о мире и о том, что мы познаем в нем расширяется; 2) «человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [Гумбольдт, 1985: 349]. Изучение языков мира является всемирной историей «мыслей и чувств человечества», которая должна включать все, что относится к человеку.

В XXI веке наука с повышенным интересом обратилась к внутреннему миру человека. Не осталась в стороне от антропоцентрической парадигмы и современная лингвистика [Телия, 1996: 244]. Здесь внимание ученых, прежде всего,

привлекли процессы отражения в языке внутреннего мира языковой личности, те способы и средства, которыми язык передает эмоциональные состояния, и то, как они актуализируются в тексте. Внутренняя жизнь человека, запечатленная в языке, отражает так называемую наивную картину мира [Вольф, 1989: 55]. Каждый естественный язык отображает определенный способ восприятия реальности, в котором воплощена единая коллективная философия, уникальная для каждой языковой общности.

Объективная реальность на разных языках разделена по-разному, в результате чего возникает национальная и культурная специфика языков [Сумин, 1999]. Лексический состав языка содержит концептуальную систему, которую человек использует в повседневной жизни. Данная система этносемантически маркирована, так как находится в неразрывной связи с культурой носителей языка, отражая их наивные представления о действительности [Зеленская, 2000]. Наибольший интерес к изучению словесных характеристик этносемантической личности представлен такой сферой лексического уровня, как фразеология, фразеологические единицы содержат «своеобразие восприятия мира через призму языка и национальной культуры» [Мальцева, 1991: 11]. В наших исследованиях мы полагаемся на широкую интерпретацию понятия «фразеологии», включая в нее, как собственно фразеологизмы, так и паремии. Фразеологические и паремиологические единицы являются отражением фрагмента реальности с одновременным взаимодействием с фоновой информацией и могут также включать в себя ту или иную эмоциональную оценку этого явления.

На вербальном уровне материальная и духовная жизнь общества наиболее глубоко и образно представлена фразеологическим составом языка. Безусловно, идиомы, пословицы, поговорки, в отличие от лексических единиц, ярче характеризуют личность. На лично-ориентированную фразеологию, объектом и денотатом которой выступает языковая личность, приходится 95% от общего объема фразеологии. Фундаментальным принципом личностно-ориентированной фразеосемантики [Чалкова, 1998], является

изучение и анализ лингвистических и психологических моделей функционирования семантических полей, хранящихся в памяти человека в соответствии с гностическими зонами мозга [Зимняя, 1978].

Исходя из того, что личность представляет собой психологическую категорию, раскрывая семантические особенности изучаемых языковых единиц, необходимо опираться на ряд положений психологии. Важность учета внеязыковых факторов не вызывает сомнений. Об этом упоминается в фундаментальных работах в области фразеологии, лексикологии и теории перевода (А.В. Кунин, Н.Н. Амосова, И.И. Чернышева, А.Д. Швейцер, Р.К. Миньяр-Белоручев и другие). Неразрывную связь между экстралингвистическими факторами и закономерностями реализации глубинных семантических компонентов, зависящих от функционирования лингвистических единиц в жизненных ситуациях и особенностей характеризуемого денотата отмечал В.Г. Гак [Гак, 1971].

Развитие личности всегда связано с изменением мировоззрения и, следовательно, с изменением отношения человека к реальности, к другим людям и к себе. Проявление отношения наблюдается в сознательной деятельности человека, его словесных реакциях, поведении и физиологических симптомах. В вербальных реакциях отношение проявляется на уровне лексики и фразеологии.

Наиболее важной частью структуры личности является отношение, так как оно находится в непосредственной связи с ее поведением и отражением личностью явлений природы и социальной жизни. Психологии трактует отношение как предрасположенность к классификации явлений и реакций на них с определенной степенью постоянства в оценках. Любой акт оценки предполагает наличие субъекта оценки, то есть человека, который его дает, объекта оценки, то есть оцененного фрагмента действительности, и критерия оценки. Оценка субъективна, потому что зависит от субъекта оценки, и объективна, поскольку определяется свойствами объекта экстралингвистической реальности, отраженной в человеческом сознании и закрепленной в значении языкового знака. Таким

образом, оценка представляет собой «объективно субъективное или субъективно-объективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно» [Кунин, 1986: 155].

Отношение тесно связано с такими психическими процессами как эмоции, чувства и восприятие, т.к. они являются формой отражения и, именно с них, начинается то или иное отношение человека к действительности.

Восприятие – это когнитивный процесс, который формирует субъективную картину мира. В качестве ментального процесса восприятие выступает как целостное отражение объектов, ситуаций и событий, которые возникают, когда прямые физические раздражители непосредственно воздействуют на рецепторные поверхности [Академик. Электронный ресурс]. Будучи необходимой стадией познания, оно всегда так или иначе связано с мышлением, памятью и вниманием, имеет определенную эмоционально-эмоциональную окраску и направляется мотивацией. С процессами мышления восприятие также объединяет возможность преобразования образа, чтобы привести его в форму, подходящую для принятия решения. Развитые процессы восприятия находятся под контролем целей, стоящих перед человеком, и поэтому рассматриваются в психологии как перцептивные действия. Эти действия позволяют изолировать информативное содержание ситуации, в которой субъект может сравнивать воспринимаемые объекты с хранимыми в его памяти их предыдущими сопоставлениями и описаниями, и приписывать их определенному семантическому классу или категории. Различают адекватное восприятие реальности и иллюзии.

Семантическая структура фразеологических единиц и паремий, характеризующих восприятие природной окружающей среды, изучалась методом компонентного анализа. В результате была выделена архисема «Perception» (*восприятие*) - сема родового значения, выражающая идею восприятия в целом, и дифференциальные семы, характеризующие психические процессы восприятия и отношения личности к природным явлениям и погоде. Выделенные дифференциальные семы являются видовыми [Кузьменко, 2005].

Исследуемые языковые единицы, входящие в состав семантического микрополя восприятия природной окружающей среды, объединены в следующие подгруппы в соответствии с общностью семантических компонентов, конституирующих их структуру:

1. Семантическая группа фразеологических единиц и паремий, характеризующих восприятие и оценку явлений природы (Nature).

С древнейших времен, человек зависел от природы, боялся и восхищался ею. ФЕ и паремии, характеризующие природу и природные явления, зачастую отличаются яркой образностью, и отражают коллективное видение мира народа-носителя языка. Например: Dame Nature – *Мать-природа*; an Act of God – *то, что не подвластно человеку, силы природы, стихийные бедствия*; the convulsion of nature – *стихийное бедствие, природный катаклизм, землетрясение, извержение вулкана и т. д.*; the merry dancers – *северное сияние*; the peep of dawn, the peep of day, the peep of the morning – *рассвет*; skipper's daughters – *высокие волны с белыми гребнями*; white caps, white horses – *«барашки», белые гребни бурунов*; the tenth wave – *девятый вал*; the bosom of the sea – *морская пучина*; the cradle of the deep – *водная пучина, море*; Weather, husbands, and sons come as you take them – *погода, мужья и сыновья приходят такими, какие они есть*; и др.

2. Семантическая группа фразеологических единиц и паремий, характеризующих восприятие и оценку погоды (Weather).

В данную семантическую группу включены фразеологизмы и паремии, характеризующие погоду. Например: King's weather, Queen's weather – *хорошая погода*; a fine day for the ducks – *дождливый день*; a London particular – *густой лондонский туман*; pea-soup fog – *плотный желтоватый туман*; Scotch mist – *густой туман, с моросящим дождем*; blow great guns – *реветь, разыграться (о буре)*; it is pouring (или raining) cats and dogs – *идет проливной дождь, льет как из ведра*; и др. А также исследуемые языковые единицы, представляющие народные приметы, связанные с погодой. Например: Red sky at night, sailors delight; red sky in the morning,

sailors take warning – *если небо к ночи красное дождя не будет, если красное к утру – будет*; the pride of the morning – *туман или дождь при восходе солнца, предвестник хорошей погоды днем*; A wind from the south has rain in its mouth – *южный ветер приносит дождь*; и др.

3. Семантическая группа фразеологических единиц и паремий, характеризующих восприятие и оценку времен года (Season).

В данную группу включены исследуемые языковые единицы, отражающие восприятие месяцев и времен года. Например: Indian (или St. Martin's) summer – *бабье лето, теплые сухие дни поздней осени, золотая осень*; February fill-dike – *дождливый период*; green winter – *бесснежная, мягкая зима*; April weather, woman's love, rose-leaves, dice, and card-luck change every moment – *погода в апреле, любовь женщины, лепестки розы, игральные кости и удача в игре меняются каждую секунду*; One swallow does not make a summer – *одна ласточка лета не делает*; и др.

Таким образом, национальная и культурная специфика языков играет важную роль в процессе преподавания иностранного языка, в переводе, в общении с носителями другого языка. Акт межкультурного и межъязыкового общения может иметь место только в случае наличия адекватного взаимопонимания между двумя участниками коммуникативного акта, принадлежащего к разным этническим культурам. Таким образом, изучение семантических особенностей фразеологических единиц, характеризующих этносемантическую личность в терминах личностно-ориентированного общения [Чалкова, 1998], помогает глубже проникать в семантическую структуру фразеологических единиц в свете отражения, отношения и поведения личности, что внесло бы значительный вклад в методологию их преподавания в подготовке специалистов любой коммуникативной профессии и особенно переводчиков. Несомненно, одним из самых сложных аспектов изучения иностранного языка является фразеология. Изучая иностранный язык, с трудом учатся и редко используют речевую фразеологию, особенно те, которые основаны на непонятных

национальных и культурных образах. Однако реальное проникновение в атмосферу другого языка начинается, прежде всего, с способности правильно понимать и использовать идиоматические фразы.

Важность экстралингвистических факторов для теории перевода не вызывает сомнений, поскольку процесс перевода не является простой заменой единиц одного языка единицами другого языка. Процесс перевода выступает как специфический компонент коммуникации с использованием двух языков, это всегда деятельность человека, в которой «аккумулируются проблемы философии, психологии, физиологии, социологии и других наук, не говоря уже о лингвистике» [Миньяр-Белоручев, 1996: 6]

При переводе из-за недостаточного внимания к экстралингвистическим особенностям фразеологических единиц и паремий национальная окраска текста часто теряется, происходят значительные потери смысла, тогда как «требование коммуникативно-прагматической эквивалентности является главнейшим из требований, предъявляемых к переводу, ибо оно предусматривает передачу коммуникативного эффекта исходного текста» [Швейцев, 1988: 145].

Литература

1. Академик: сайт [Электронный ресурс] URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/%20ruwiki/2079, дата обращения: 26.10.2017
2. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 244-245.
3. Гак В.Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики и слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Тезисы докладов: ч. 1. М., 1971. С. 15.
4. Гумбольдт В. фон Язык и философия культуры: Сб. произведений / Пер. с нем. / Под общ. ред. Гулыги А.В., Рамишвили Г.В. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
5. Зеленская В.В., Тхорик В.И. Семантическое измерение личности по данным языка (на материале фразеологизмов) //

Языковая личность: структура и эволюция. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2000. С. 188-200
6. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1978. 158 с.
7. Кузьменко Е.Л. Вербальная характеристика межличностного восприятия (на материале фразеологизмов) // Актуальные проблемы преподавания практического перевода в ВУЗе: Материалы научно-практической конференции. Москва 19 мая 2004 г. М. В/ч 33 965, 2005. С. 207-219
8. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1986. 336 с.
9. Мальцева Д.Г. Страноведение через фразеологизмы. М.: Высшая школа, 1991. 173 с.
10. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. 208 с.
11. Сумин С.С. Национальное и универсальное в образности фразеологических единиц: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М., 1999. 20 с.
12. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 286 с.
13. Чалкова Е.Г. Фразеосемантические поля англоязычного личностно-ориентированного общения. М.: Импринт-Гольфстрим, 1998. 362 с.
14. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

Свиридова Лариса Константиновна
Larisa Sviridova
Кошевая Инна Георгиевна
Inna Koshevaya

Количественные отношения в сфере категории тождества

Quantity relations in the sphere of category of identity

Аннотация: Данная статья посвящена выражению количественных отношений в сфере категории тождества. Основное внимание уделено сочетаемости слов во

фразовые блоки, за которыми закрепилось название валентности, основанной на количественном факторе, который лежит в основе синонимичных рядов в плане нагнетания количества и относящимся к ним антонимичных рядов в плане его убывания до состояния полного отсутствия. Историческая эволюция языка, связанная даже с изменением его типа и миграцией внутри этих грамматических типов (флективного, корневого, аналитического) основывается как показали исследуемые факты на количественном факторе, однако последний не является самостоятельным, так как не выходит за рамки категории тождества и, будучи связанным с категорией экзистенции, относится в первую очередь к отношениям коммуникативно-социального плана. Исследование проведено исходя из того, что количественные отношения воспринимаются авторами как единство трех характеризующих язык уровней, синтез которых позволяет дать ту внутреннюю градацию количественного смысла, который характеризует данные отношения по их противопоставлению нулю, то есть полному отсутствию, с одной стороны, до их бесконечного увеличения с другой стороны.

Abstract: The article is devoted to the expression of quantitative relations in the sphere of the category of identity. The main attention is paid to the compatibility of words in phrase blocks, behind which the name of the valence based on the quantitative factor that underlies the synonymous series in terms of the injection of quantity and the related antonymous series in terms of its decrease to a state of total absence is fixed. The historical evolution of a language, even associated with a change in its type and migration within these grammatical types (inflectional, root, analytic) is based on the quantitative factor. The study is based on the fact that quantitative relations are perceived as a unity of three levels characterizing the language, the synthesis of which allows us to give that inner gradation of the quantitative essence. This opposition characterizes quantitative relations by two opposite meanings.

Ключевые слова*:* язык, речь, речевая категория, категория тождества, элективность, количественные отношения.

Key words: language, speech, speech category, category identity, electivity, quantitative relations.

Как известно, роль количественных отношений в их связи с категорией тождества еще не подвергалась теоретическому рассмотрению. Мы постарались посмотреть на этот вопрос с точки зрения не различия оппозиционных сторон на единичность и множественность, а в наиболее широком смысле с точки зрения отсутствия количества как смыслового нуля с одной стороны и наличия количества как его разделенности на единичность и множественность с другой стороны. В таком рассмотрении единичность и множественность выступают не полярными значениями, охватывающими количественные отношения целиком, а лишь оппозиционной противоположностью их наличия, единство которых по существу формирует категорию количественных отношений как состоящую из отрицательного плана с одной стороны, где количество отсутствует, и наличия количества как положительного плана, где оно имеет внутренние градации, строящиеся по принципу единичности и множественности. В

таком случае обычно принятое разделение числа выступает всего лишь частным моментом, охватывающим ту часть явлений, подсчет которых начинается с единичности и идет до безгранично увеличивающих количественных доз (объектов, явлений, форм и т. п.).

Категория тождества в силу заключенного в ней значения идентичности объектов, действий, качеств и количеств является одной из ведущих категорий, а точнее – доминантной категорией, охватывающей все три уровня языковой материи:

А). уровень сознания в его коррелятивной, то есть мыслительно-языковой выраженности;

Б). уровень языка в его коррективной представленности через относительно стабильные структуры фонетического, лексического и грамматического инвентаря, которыми владеет человек как носитель определенного языкового стандарта;

В). уровень речи в его индивидуально волюнтаристской избирательности говорящим, который определяет процесс коммуникации, не позволяя ему выходить за пределы строго определенного языкового стандарта, как правило, ограниченного историческими и территориальными рамками [Кошевая, 2015: 32].

Каждый из этих трех вышеназванных уровней характеризуется своей обобщенной языковой спецификой, позволяющей по-разному взаимодействовать с категорией тождества.

Так, мыслительно-языковой уровень, соотнося мысль с объектом в любом из его проявлений (статичном, динамичном, качественном или количественном) определяет возможные границы этого объекта, за пределами которых сам факт идентификации перестает существовать, поскольку данный объект как бы исчерпал себя и не подлежит дополнительной идентификации. Например, ряд *снегопад – метель – вьюга – буран* как бы завершает линию относительно однозначных явлений, различающихся внутри себя количественно нарастающей долей качества. Дальнейшее увеличение количественной меры ведет к формированию в нашем сознании иного, может быть близкого объекта, но выходящего за рамки рассматриваемого качества. Сравни, например, *буря – ураган –*

тайфун – торнадо. При этом слово типа *торнадо* является последней словарной единицей, за пределами которой данный ряд себя исчерпывает.

Следовательно, на первом мыслительном уровне языковых абстракций в сознании человека формируется определенная цепь языковых образов, отражающих действительность путем количественной доли того качества, которое присуще каждому из фиксировано закрепленных в вокабуляре слов.

На уровне языка как уровне последующей корректировки этот процесс подвергается той идентификации, которая действует внутри уже сформировавшегося ряда относительно синонимичных единиц, выделяя их не только по принципу максимальной тождественности с объектом действительности, но и по их качественно-количественной выразительности, типа: *снег идет, вьюга бушует, метель метет, буран разразился* и т.д.

В таком случае наблюдается количественное возрастание признака, характеризующее не одно слово, представленное в изоляции, а групповое соединение вокабулярно зависимых словарных единиц, которые формируются на основе общей для них количественной меры.

Такая мера, как показало проведенное нами исследование, не является произвольной, поскольку она строго запрограммирована фактором количественного соответствия, объединяющего весь словарный состав языка.

Следовательно, значение корректирования имеет несколько определяющих его признаков. К их числу нами относятся следующие:

1. количественная зависимость, не допускающая произвольности сочетания;

2. обязательное наличие количественной адекватности в сочетающихся словарных знаках.

Оба эти фактора позволяют говорить, во-первых, о том, что в каждый исторический период в языке имеет место та относительно застывшая фиксированность в сочетании языковых единиц, которая переводит их из субординационных отношений в отношения автономной координации. Во-вторых,

тот факт, что эти отношения базируются на количественной основе дает основание заключить, что фактор валентности, о котором немало писалось в литературе последней половины прошлого столетия, как оказалось, строится на качественно-количественном фундаменте, объединяющем слова, относящиеся обычно к различным частям речи.

Поэтому можно с полным основанием заключить, что каждая фраза строится в языке, как устойчивое единство относительно равнозначных в количественном отношении словарных знаков, создающих взаимозависимый, а потому устойчивый облик, служащий для максимально точной идентификации объекта.

Третий, то есть речевой уровень характеризуется тем значением элективности, которое позволяет говорящему производить выбор требуемого слова или словосочетания, чтобы донести содержащийся в нем смысл то ли до сознания коммуниканта, то ли до своего собственного, более четкого, точного и объемного понимания объекта. Например, выбор должного слова из всей цепочки синонимичных единиц обычно происходит молниеносно, потому что за каждым из этих слов в нашем сознании уже прочно зафиксирован тот объем количественной меры, который позволяет осуществлять процесс идентификации. Если мы говорим, например, фразу типа: *идет снежок*, то здесь и лексически и грамматически сочетающиеся слова оказываются, во-первых, количественно лексически сцеплены, то есть идентифицированы по линии их смысла; во-вторых, грамматически усложнены в своей структурной выраженности путем добавления уменьшительного суффикса, подчеркивающего количественную идентичность соединенных слов в единой для них количественно-качественный блок.

Следовательно, количественный фактор в речи играет весьма значимую роль: именно он побуждает говорящего оформлять фразу теми дополнительными структурно-образующими компонентами, которые идентифицируют ее единство в максимально полном объеме. Даже если в качестве примера возьмем такие междометия как *hurray! O! Alas!* и т.д., то окажется, что их раскрытие всегда количественно нагружено. Междометие *hurray* настолько количественно самодостаточно,

что не требует для своей идентификации никаких количественно-качественных пояснений. Оно выражает такую стопроцентно высокую степень радости, восторга, ликования, и само сливается с действительностью, окружающей говорящее лицо, что не требует дополняющих его субординированных или автономных дополнений. Например,

«Кричали женщины: «Ура!»
И в воздух чепчики бросали.»
(«Горе от ума» А. С. Грибоедов)

Совершенно иная картина наблюдается в словах: *Alas! Oh! Ah!* и т.п. Здесь только одно из них (*Alas!*) отмечено негативным значением. Но объяснение этому значению всегда дается. И это не случайно. Ср., например: *Alas! I am the most wretched lady in the world.* Но и этого не достаточно для полной идентификации слова *Alas.* И поэтому не случайно такой гениальный драматург как В. Шекспир раскрывает, то есть количественно усиливает контекст, чтобы дать полную идентификацию использованного им междометия *Alas*.

Такая же картина наблюдается и в двух других междометиях. Для них в этом плане важно подчеркнуть, что количественный фактор - это не случайная мера, заложенная в категории идентификации и пронизывающая все три уровня языковой абстракции. Можно сказать, что количественный фактор – это тот двигательный мотор, который лежит в основе языкового движения, переводя язык в новые грамматические типы (как, например, английский язык, который всего за несколько столетий перешел от синтетического типа через аналитический к аналитико-корневому с сохранением некоторых реликтовых остатков древних индоевропейских языков).

В этой связи нельзя не сказать несколько слов о сущности количественных отношений и их роли в категории тождества.

Количество представляет собой особую категорию, проявляющую себя в первую очередь в сфере бытия и именуемую в языкознании категорией экзистенции. Внутри этой категории существуют различные значения, позволяющие относить входящие в нее словоформы к лексическим и лексико-грамматическим единицам языка. Например, выделяются

числительные составляющие в одних языковых группах 10 словарных единиц, в других 12 и т.д. с последующими повторами «сотни, тысячи, миллионы, миллиарды» и т. д. Кроме того имеет место обязательное разделение количества по принципу единичность – множественность.

В этом плане нами выдвинуто положение об оппозиционном разделении количества на его отсутствие (когда оно признается равным нулю и передается формами отрицания типа *no, not, not any* и т. д.) с одной стороны, и его наличие с выделением единичности и множественности. В таком случае разделение на единичность и множественность выступает как частный случай общеграмматической дифференциации. Ср. отсутствие количества = отрицанию количества, то есть нулю; с другой стороны наличие количества как положительное значение включает в себя как единичность, так и множественность.

Поэтому даже в таком представлении количество является величиной, зависящей от категории тождества, так как в нем происходит идентификация одного слова по количественному фактору. Например, в английском языке формант *-s* выражает наличие количества, но в группе глаголов он передает единичность, а в группе существительного он передает множественность. Ср. *to come – he comes* – s указывает на единичность; *table – tables* – s указывает на множественность. Происходит это в силу того, что и единичность и множественность относятся к семантическому полю наличия количества, а в одном и том же поле семантически близкие слова и словоформы часто оказываются переходящими в диаметрально противоположные значения, но сохраняющими общий фактор (как в данном случае наличие количества). Сказанное выше позволяет рассматривать категорию количества как оппозицию нуля (то есть полного отсутствия количества), с одной стороны, и наличия количества с другой стороны. Что же касается противопоставления единичности и множественности, то они выступают важным, но частным моментом в оппозиционном блоке наличия количества.

Итак, мы полагаем, что рассмотрение категории количественных отношений в совершенно новой бинарной

оппозиции его наличия и отсутствия было осуществлено благодаря привлечению к исследованию теории о трех уровнях языковой абстракции, а именно:

1. корреляция как значение исходного уровня языковой абстракции, формирующего представление о количественной мере объектов, действий, качеств, явлений;

2. коррективность как значение второго уровня языковой абстракции, переданного либо определенной словарной единицей, либо морфологическим формантом, либо же синтаксической цепью связанных между собой вокабулярных единиц, закрепленных в определенный исторический период языковой эволюции.

3. элективность как значение третьего речевого уровня, где проявляется волеизбирательная способность задействованного в коммуникации индивида по выбору требуемой количественной единицы. Причем именно на этом уровне происходит постепенная эволюция количественных форм, которая допускает их понимание и миграцию в пределах общего поля количественных отношений.

Литература

1. Кошевая И.Г. Язык как микрокосмос сознания. Уровни языкового абстрагирования.М.:ЛЕНАНД, 2015-216с.
2. Кошевая И.Г. Стилистика современного английского языка, М.: Академия, 2011, 352 с.,
3. Свиридова Л.К. Категория тождества в процессе осознания объекта М.: Rhema. 2013. № 4. С. 58-62.
4. Ф. де Соссюр Курс общей лингвистики. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1977. 695 с.

Sviridova L. EnglishLexicology, M., URSS, Lenand, 2015, 88 c.

ЯЗЫК КУЛЬТУРА КОММУНИКАЦИЯ

Беляков Михаил Васильевич
Mikhail Belyakov

«Свобода слова» в дипломатической коммуникации

“Freedom of speech” in diplomatic communication

Аннотация: В статье рассматриваются лингвистические средства, используемые современными дипломатами для выражения мнения по различным вопросам современной международной политики. Результаты анализа выступлений демонстрируют, каким образом дипломаты оказывают влияние на точку зрения друг друга при помощи лингвистических средств в условиях «открытой дипломатии».

Abstract: This article examines the linguistic tools adopted by diplomats to express their personal opinion on various issues in Russia and abroad. The results of the analysis of speeches illustrate how diplomats communicate with each other and discuss international political and social issues, and in what way they influence each other’s opinion using various linguistic tools in the field of “open diplomacy”.

Ключевые слова: языковые навыки, аутентичные материалы, иноязычная коммуникативная компетенция дипломатический дискурс, имплицитная оценка, эксплицитная оценка, лингвистические средства выразительности, свобода слова.

Key words: implicit, explicit, diplomatic discourse, linguistic tools, free speech.

Изменившаяся за последние несколько лет международная обстановка повлекла за собой не только существенное осложнение межгосударственных и международных отношений, но и нашла отражение как в стиле общения на дипломатическом уровне, так и в языке межгосударственной и дипломатической коммуникации, которая всегда считалась достаточно консервативной и закрытой для неологизации любого рода. Можно говорить о том, что в силу ряда исторически сложившихся условностей в советской, а затем в постсоветской российской дипломатии было не принято использовать «свободу слова», т.е свободу выражения. Официальные представители дипломатического ведомства были обязаны следить за речью, точно подбирая слова, поскольку в дипломатии каждое неосторожно произнесенное слово может быть понято или интерпретировано так, как посчитает нужным «принимающая сторона». Традиционно для дипломатов считалось необходимым

использование «сдержанных и осторожных фраз, которые дают возможность дипломатам и министрам говорить друг другу самые резкие вещи в вежливом и мягком тоне» [Никольсон, 1941: 12]. Но, тем не менее, под заметным влиянием непрерывно ведущихся информационных войн и в ситуации открытой дипломатии, в языке российской дипломатии происходят изменения, и дипломатический язык становится все более свободным от традиционных ограничений.

Международные отношения, внешняя политика, дипломатия теснейшим образом связаны между собой. Можно говорить об установлении иерархических отношений понятий «внешняя политика» и «дипломатия» и, соответственно, «внешнеполитический» и «дипломатический» дискурс. В целом, внешнеполитическая коммуникация протекает в ситуации «условно независимой коммуникативной цепочки», при этом коммуникация осуществляется между принципиально разными структурами: проходит несовпадение национальных картин мира, что позволяет даже говорить о «национальных логиках», кроме того, международная коммуникация подвергается более жесткому контролю, что также накладывает на нее свой отпечаток. Одним из вариантов лингвистического исследования внешнеполитической коммуникации может быть дискурсивный анализ, причем стилевая дифференциация дискурса всегда определяется явной прагматикой.

В ряде случаев возникает стилистический диссонанс внешнеполитического, внутриполитического и дипломатического высказываний. Например, еще будучи президентом США, Б. Обама, выступая перед Конгрессом в январе 2015 г., заявил, в частности, что «Россия изолирована, а ее экономика разорвана в клочья», на что The «World Street Journal» написал, что «Обама – президент, живущий на острове собственных фантазий», а министр иностранных дел РФ С.В. Лавров заметил, что «у США агрессивная внешнеполитическая философия» [электронный ресурс]. В данном примере высказывание Б. Обамы относится к разряду внешнеполитических, мнение американских журналистов о президенте своей страны – к внутриполитическим, а ответ министра иностранных дел РФ – к дипломатическим. Отвечать

на выпады Б. Обамы российский дипломат в жестком ключе не может в силу дипломатической ответственности. К тому же, поскольку объективно один и тот же фрагмент действительности может быть рассмотрен в разных аспектах и с разных точек зрения, осуществляется определенная интерпретация действительности, при этом категоризация предполагает лексический выбор для выражения мысли о некотором положении дел. При этом особо важными для оказания нужного воздействия на сознание адресата являются эмоционально-оценочные коннотации, апеллирующие к эмоциям адресата, его интересам и ценностям. Нагруженность слова оценочными коннотациями заставляет искать новые средства для выражения той же идеи, но с другим оценочным значением. Авторы дипломатических высказываний выбирают способы вербализации, в наибольшей степени соответствующие тому взгляду на событие, который нужно сформировать у противоположной стороны. Информация, закодированная в высказывании с помощью языковых средств, неоднородна по степени легкости и осознанности ее декодирования. Сознание адресата должно сосредоточиться на эксплицитной части содержания высказывания. Эксплицитная информация осознается адресатом как та мысль, ради выражения которой и было употреблено данное высказывание. Но дипломатические высказывания содержат и имплицитную информацию, которая характеризуется пониженной коммуникативной значимостью и косвенностью кодирования. При перекодировании возникает проблема совмещения эксплицитной и имплицитной информации, по-разному вербализуемых в политическом и дипломатическом дискурсах.

Стоит отметить, что долгое время «лицом» дипломатии того или иного государства считался только министр иностранных дел.

На внешней арене ситуация практически не изменилась, но в ряде случаев представительские функции возлагаются на другое официальное лицо. Например, в России подобные функции выполняет официальный представитель МИД России М.В. Захарова. Именно из ее выступлений узнают о новостях, предстоящих визитах министра иностранных дел РФ,

ближайших переговорах, а также, что немаловажно, именно из ее уст можно услышать оценку того или иного события, произошедшего в рамках международных отношений, связанных с Россией.

Проведя обзор ряда брифингов М.В. Захаровой, опубликованных на официальном сайте МИД России (mid.ru), мы пришли к выводу, что на наших глазах происходит процесс «перекодирования» дипломатической речи в официальных выступлениях, своего рода «свобода слова». Конечно, можно сделать предположение, что мы наблюдаем вариант идеостиля сотрудника дипломатического ведомства, но необходимо иметь ввиду, что речь идет о выступлении официального представителя МИД, публикуемом на официальном сайте.

Можно привести ряд высказываний, ранее не характерных для дипломатической речи российских, и, тем более, советских профессиональных дипломатов. Допустимо, что данное явление спровоцировано ситуацией информационных войн, требующей переключения нейтрального дипломатического кода на более жесткие, яркие и эмоциональные высказывания. Одной из возможностей выражения эмоций являются особые непредикативные единицы – эмотивные коммуникативы. Они характеризуются высокой степенью антропоцентризма и экспрессивности, обладают большим прагматическим потенциалом, позволяя адресанту выражать субъективное отношение к фактам объективной действительности, активно вторгаться в эмоционально-волевую сферу собеседника, а также придавать тексту динамичность и информационную насыщенность. Выражать эмоции могут и предикативные единицы: вопросительные и восклицательные высказывания, а также высказывания, в состав которых входят коммуникативы, повтор, парцелляция, инверсия, эмотивная лексика. Официальным дипломатическим речам коммуникативы не характерны, однако в речах, ориентированных на СМИ, включая брифинги, они встречаются. Кроме собственно эмоционально окрашенной лексики в выступлениях М.В. Захарова использует ряд морфологических неологизмов, появившихся в речи дипломатических представителей. Одним из типов морфологических неологизмов является образование как новых

сокращений, так и имен существительных от аббревиатур по обычным для русского языка моделям, например:

«…У нас много *инкорров*, в том числе, тех, которые не могут прийти на брифинг, потому что они единолично представляют то или иное СМИ и могут быть задействованы в других мероприятиях»;

«… усиливается активность в разных районах страны местных и трансграничных экстремистских и террористических группировок, прежде всего, речь идет об *игиловцах»*;

«…находится в тесном контакте с *ооновцами* и экспертами, которые там сейчас» (о переговорах между Правительством Сирии и оппозицией).

Еще одна распространенная модель – образование имен прилагательных как отсубстантивных, так и путем словосложения (права+человека=*правочеловеческий*), при этом получается прилагательное, не отражающее семантику исходного словосочетания, или же неестественное для русского языка прилагательное, например:

«…удастся подготовить *консенсусный* список кабинета министров, который сможет получить парламентский вотум доверия»;

«…Мы призываем партнеров быть последовательными в действиях по защите прав человека, тем более, что в Берлине никогда не отличались сдержанностью в каких-либо высказываниях в адрес России по *правочеловеческой* проблематике или даже по внутриполитической ситуации» (о ситуации в Германии);

«…необходимого уровня взаимопонимания между палестинцами и израильтянами для возобновления продвижения к *двугосударственному* решению» (о ситуации в палестино-израильском урегулировании).

Еще один тип морфологических неологизмов – образование несуществующих в языке приставочных форм глаголов, например:

«… Мы *отфиксировали* заявление спецпредставителя Генсекретаря ООН по Сирии» (о переговорах между Правительством Сирии и оппозицией)».

Отдельно стоит отметить использование «модных» слов и словосочетаний, которые впервые употребляются в речи чиновников высокого ранга и практически незамедлительно переходят в речь их подчиненных, например:

«… работа (речь идет о сирийской оппозиции) должна строиться на принципах *инклюзивности*, широкой *представленности*. Повторю, что мы *плотнейшим* образом на месте в Женеве как по линии Постпредства России при ООН в этой стране, так и с учетом направленных туда российских экспертов *отслеживаем* ситуацию и вовлечены в усилия по содействию сторонам»;

«…решить какие-либо вопросы с представителями Донбасса, – это все, конечно, *от лукавого* и не ведет к какому-либо *конструктиву* и тем более не способствует эффективной работе».

Инклюзивность, *представленность,* «*от лукавого*» и пр. изначально прозвучали в выступлениях министра иностранных дел России С.В. Лаврова.

Переключение кодов происходит не только с эксплицитного на имплицитный, но также переключается и деловой стиль речи на сниженный стиль, что проявляется в повышенной эмотивности выступления дипломата, например:

«Речь идет о заявлениях, которые делают украинские переговорщики (не все, но есть среди них «*умельцы*») к поправкам, предложенным Донбассом, которые были сделаны сразу после окончания заседания Контактной группы 27 января. … Конечно, не может не вызывать обеспокоенность, что эти же представители Украины систематически *выносят на публику* детали, которые раскрывают суть переговоров, что противоречит изначальным договоренностям об их конфиденциальности» (о заседании Контактной группы по Украине в Минске);

«…В свою очередь, *такой расклад* стал очередным подтверждением существования в черногорском обществе глубокого раскола» (о ситуации в Черногории);

«…ни мы, ни граждане ФРГ, ни члены семьи девочки не услышали ***внятных комментариев*** официальных представителей соответствующих правоохранительных или других органов ФРГ. Что же мы получили в результате? По большому счету, ***травлю,*** которая началась в отношении российских журналистов. ***За что?*** За то, что они сделали то, к чему их много лет призывали, в том числе международные структуры, которые занимаются СМИ: к соблюдению свободы слова. Что же они сделали? *За что* на них была объявлена такая ***«информационная охота»?*** Почему их сделали *крайними*? Самое интересное, что мы с удивлением слышали от германской стороны призыв «не обращать внимания на сообщения СМИ по данному вопросу». ***Так и хочется сказать: «Приехали». Как это не обращать внимания на сообщения СМИ*****?** Хотела бы напомнить, что позиция западных стран по *огромному* количеству вопросов строится исключительно на сообщениях СМИ. На фоне ***абсолютно голословных, не имеющих никакой почвы*** обвинений в наш адрес о попытках ***инструментализации***, политизации этой ситуации…» [электронный ресурс].

В последнем примере наблюдается функция автоматизации нагнетания эмотивности, массированное эмоциональное давление.

Изменения коннотаций, как одного из способов повышения эмотивности текста, в дипломатических текстах нами отмечено не было, отчасти потому, что официальные дипломатические заявления, включая и брифинги, предполагают последующий перевод, а переводить текст, где встречаются лексемы с измененной коннотацией еще сложнее, чем тексты с неологизмами, поскольку есть вероятность недопонимания, неверной интерпретации и, соответственно, ошибок при переводе, что для дипломатического дискурса крайне нежелательно.

Сегодня, в информационную эпоху, когда произнесенные тексты, включая официальные, сразу же появляются в

Интернете, получая широкий резонанс, свобода при использовании неологизмов разного рода, несущих в основном эмоциональную нагрузку, которой в ситуации информационных войн более чем достаточно, неоправданна. Можно сделать вывод, что в рамках дипломатического дискурса необходимо ограничивать свободу использования неологизмов и эмотивов, которая свойственна в большей мере публицистическому или политическому дискурсу (в значении «дискурс политиков»). Эмоции в дипломатическом дискурсе провоцируют, используя дипломатический язык, «параллельные действия».

Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров также допускает «свободу слов», называя войну войной, а не конфликтом, а убитых и раненых – именно так, а не «сопутствующими потерями». Кроме того, речь С.В. Лаврова, по нашим наблюдениям, в отличие от выступлений дипломатов более низкого ранга, насыщена эмотивными конструкциями в форме разного рода фразеологизмов. Эмотивная сила фразеологизмов в текстах официально-делового стиля заметно увеличивается, поскольку они появляются на общем фоне клишированных фраз и сухой нейтральной лексики: «… терроризм, экстремизм и многие другие угрозы требуют объединения усилий. Здесь не может быть *игр с «нулевым результатом»*. Как и во времена *смертельной опасности* для цивилизации, мы вновь должны соединить воедино наши усилия, возможности и ресурсы». «Слова, которые только что произнес мой коллега о попытках самых радикальных и экстремистских сил «*ловить рыбку в мутной воде сирийского кризиса*», – ключ к пониманию общности этой проблемы для России, США и всех других миролюбивых государств…» [электронный ресурс].

Таким образом, можно прийти к выводу, что наиболее продуктивным средством имплицитной оценочной эмотивности в дипломатическом дискурсе являются слова и словосочетания, как имеющие, так и не имеющие соответствующий (эмотивный) компонент в семантике единицы. Тем не менее, в языке открытой дипломатии для достижения прагматической цели – объяснения сложных международных отношений и конфликтных ситуаций в мире допустимо использование

конструкций, свойственных другим стилям речи и иным видам институционального дискурса.

Информационные войны всегда работают против всех, вне зависимости от того, кто их развязал. Роль дипломатии состоит в преодолении вербальными средствами порождаемые информационными войнами противоречия, не создавая собственные, опираясь как на универсальные коммуникативные стратегии, так и на стратегии, присущие именно дипломатии, допускающие в ситуации открытой дипломатии большую свободу слова.

Литература

1. Никольсон Г. Дипломатия. М.: ОГИЗ, 1941. 156 с.
2. http://www/mid.ru/

Павловская Анна Валентиновна
Anna Pavlovskaya

«Огни горят горючие». К вопросу о единстве праздничной культуры народов мира

“Fires are Burning”. The worlds festive national cultures: Revisiting the problem of their unity

Аннотация: В статье рассматривается традиция разжигания ритуальных костров, присущая самым разным народам мира. Традиция эта зародилась, вероятно, в глубоком прошлом и сохранилась в некоторых странах как ритуальная форма до дня сегодняшнего. Такого рода единство праздничной культуры свидетельствует, во-первых, о древности такого рода обрядов, уходящих корнями в первобытную историю, а во-вторых, о схожем пути развития разных народов, основанном на общем типе хозяйствования.

Abstract: The paper considers the tradition of performing fire ceremonies by different peoples of the world. This tradition could have emerged a long time ago, in the prehistoric times, and has survived until today as a rite in some countries. Such unity of festive cultures, firstly, indicates how old these rites are and, secondly, that different peoples had similar paths for their development based on the common type of economic activities.

Ключевые слова: культура, традиция, праздники, ритуальные костры, народы мира, обряды.

Key words: culture, tradition, festivals, fire ceremonies, peoples of the world, rites.

Хорошо известно, что праздничные обряды самых разных народов мира имеют подчас общие черты. Такого рода сходство исследователи чаще всего относят к разряду заимствований и

уделяют много вниманию поискам оригинала и возможных путей распространения. Нередко празднества относят к региональной культуре, например, славянской традиции, игнорируя схожие явления в других регионах. И уж совсем редко пытаются взглянуть на общемировую картину, в лучшем случае ограничиваясь общеевропейским единством.

Вместе с тем, очевидно, что многие праздники, сохранившиеся у разных народов до наших дней, имеют определенно схожие традиции. Их единство можно скорее объяснить, во-первых, единимыми древними корнями, уходящими вглубь истории, вплоть до первобытного общества. Homo sapiens, по самым скромным подсчетам появившийся 40 тысяч лет назад, не сильно отличался анатомически от современного человека и характеризовался достаточно едиными особенностями развития на всей территории, которую он заселял – от современной Испании до озера Байкал. Во-вторых, общность праздничных традиций объясняется и схожим путем развития разных народов, основанном на общем типе хозяйствования, например, как для большинства жителей Земли, земледельческой культуре.

Большинство важнейших мировых праздников группируются вокруг кульминационных моментов в движении солнца – равноденствия и солнцестояния. Почитание солнца и наблюдение за его движением, вероятно, было одним из древнейших верований и занятий, доступных первобытному человеку.

Из всего многообразия древних праздничных традиций народов мира остановимся на одной – ритуальных огнях. Огонь – своеобразный символ победы древнего человека над природой, овладение им поставило человека разумного надо всеми живыми существами. Ни одно животное не использует огонь, и уж тем более не умеет его создавать. К тому же костры – это своего рода маленькие символические солнца, дающие свет и тепло. Огонь очищает, уничтожает, дает новое содержание, переводит в новую ипостась. К тому же огонь был одним из немногих праздничных украшений, доступных человеку разумному в любую историческую эпоху, своего рода первобытной иллюминацией и фейерверком. Он создавал

ощущение праздника, яркого света не только днем, но и ночью, придавал таинственности и эмоциональности. Разведение костров устраивали во время всех четырех празднеств солнечного цикла, отмечая ими каждый новый поворот года.

У праздничных костров разных народов есть несколько особенностей. Во-первых, их разжигали специально для праздника, часто с помощью древнейших приспособлений, таких как две деревяшки или огниво. То есть огонь был новый и то, что называли «чистый». Во-вторых, костры во многих местностях раскладывались на холмах, так, чтобы быть ближе к небу, чтобы быть видными ото всюду, возможно, чтобы имитировать встающее солнце. В-третьих, с ними устраивались разного рода игрища, причем тоже достаточно повсеместно, в регионах, ничем не связанных между собой. Это и сжигание различных предметов – старых вещей, деревянных кукол, чучел, обрядовых деревьев, изображений злых духов и т.д., и перепрыгивание через огонь, и вождение хороводов вокруг пламени, и другие ритуальные танцы, и «кормление» огня, разделение с ним праздничной трапезы. На древность обряда «кормления огня» косвенным образом указывает тот факт, что традиционно его «кормили» мясом или костями животных, а не изделиями из зерна.

Отметим, что костры разжигали в праздники по всему миру. В Иране накануне Навруза (празднуется в день весеннего солнцестояния) отмечается день Чахаршанбе-сури (встречаются и другие варианты перевода, например, как «чехаршамбейе»). В этот день, а точнее ночь, повсюду разжигаются костры, через которые принято прыгать, вокруг них поют ритуальные песни. Существует даже традиция наряжаться в разные костюмы и ходить по домам, получая от хозяев смесь орехов и сухофруктов. Другой праздник очистительного огня – Саде, он приходится на конец января. Однако исследователи полагают, что в древности он совпадал с иранским зимним праздником Шабе Ялда, который проводится в день зимнего солнцестояния. Все эти традиции пережили не века, а тысячелетия, и уцелели при всех религиях [11, 1957: 204], [18, 1983: 792–818].

Особый интерес представляют современные традиции разжигания костров и факельные шествия жителей Британских

островов. Здесь они имеют особый размах. На сегодняшний день главным «огненным» праздником (негосударственным, но повсеместно распространенным) считается так называемая ночь Гая Фокса, отмечаемая в ночь на 5 ноября. Гай Фокс – один из участников так называемого «порохового заговора» 1605 года, целью которого было взорвать парламент во время речи протестантского короля Якова I и восстановить католицизм в Англии. Заговор провалился, участники были казнены. Не самое удивительное или выдающееся событие в исторической хронике страны. Но день этот, точнее, ночь, прочно вошел в английскую историю. зажигаются яркие костры, устраиваются празднества, чучело Гая Фокса торжественно сжигается вот уже которое столетие.

Хорошо известны широкие празднования, проводившиеся на территории Британских островов в конце октября – начале ноября. Обычно их связывают с двумя темами: окончанием уборки урожая, началом нового сельскохозяйственного года, и день почитания мертвых. Костры, разводимые на холмах, были центром празднования, вокруг них танцевали и пели, через них прыгали, на них гадали. В праздновании присутствовали и другие знакомые праздничные элементы: обряды кормления умерших, присутствие ряженых всех мастей, дети и взрослые, часто в масках или с вымазанными сажей лицами, ходившие от дома к дому и певшие ритуальные песни, за что им давали еду, игрища, в том числе и носившие эротический характер, ну и непременные пиршества, в которых принимало участие все население [Hutton, 1996: 361], [Monaghan, 2004: 41].

В графстве Сассекс и сегодня праздники огня являются важнейшим событием года и проводят их с сентября по ноябрь. Многочисленные местные общества (каждый небольшой городок считает здесь своим долгом обзавестись своим «обществом костров») устраивают пышные ночные факельные шествия по улицам, завершающиеся огромным общим костром. Сохранился и обычай рядиться в разные костюмы, здесь каждое общество старается фантазией превзойти других: тут и покойники, и пираты, и викинги, и воины зулусы (в 2015 году костюмы были признаны «расистскими» [The Guardian,

электронный ресурс]), и, конечно, столь любимые англичанами персонажи тюдоровской эпохи.

Праздники эти собирают толпы зевак, участники с упоением играют свои роли, не только факелы в руках, но и горящие кресты в повозках, дополняют феерическую картину, а сторонний наблюдатель, присутствующий на этих шествиях, не может отделаться от чувства, что его словно перенесли вглубь времен, причем довольно диких.

Огонь сохранял свое значение в качестве праздничного элемента на протяжение всей истории человечества, видоизменяясь и принимая новые формы. Фейерверки и факельные шествия, иллюминации и салюты, пионерские костры и свечи на торте, - все это маленькие свидетельства верности человека древним традициям. Огонь – верный спутник праздника.

Разведение праздничных огней сопровождалось традицией изготовления и сжигания обрядовых чучел, причем повсеместно. Несмотря на то, что ученые с осторожностью связывают эти обряды между собой, некая закономерность здесь очевидна. Как и тот факт, что традиция эта, как и большинство традиций, связанных с древнейшим чудом человечества, огнем, не могла не претерпеть определенные изменения в ходе истории, в зависимости от региональных условий ее бытования. Однако, ряд закономерностей прослеживается: чучела сопровождают костры, разводимые в главные календарные праздники года, их делают коллективно, сопровождая появление чучела ритуальными действиями, затем его носят в общей процессии или, если оно большое, устраивают праздник вокруг, ну и наконец, всем миром сжигают, сопровождая опять же таки ритуальными присказками, прибаутками, песнями, танцами и т.д. Чучело часто чествуют в начале и оплакивают в конце, или радуются его гибели. Оно связано с эротической темой и темой смерти. Чучело чаще всего имеет женский облик, хотя и в мужском обличии тоже встречается.

Традицию эту часто относят к средневековью, как и все, что связано с карнавальной культурой, но нет сомнений, что она гораздо древнее – о сжигании весеннего чучела старухи писал Овидий в Фастах, Юлий Цезарь упомянул обычай галлов

сжигать чучело из прутьев, первые века христианства в Северной Европе были омрачены попытками церковных властей упразднить такого рода обычаи как языческие (об этом упоминает Дж. Фрэзер в «Золотой ветви» [15]) и т.д. Территориальная широта охвата тоже достаточно представительна – обряд сжигания чучела известен по всей Европе, от Португалии до России; в разных регионах Индии накануне весеннего праздника Холи (начало марта) устраивается сожжение в костре демоницы Холики, знаменующее победу добра над злом [7: 441—442]; осенью же в Индии отмечают Виджаяда́шами, сжигая демона Равану, а заодно молятся о грядущем урожае; в дни зимнего солнцестояния в Пенджабе, регионе знаменитом древними традициями, сжигают сестру Холики Лори, в праздновании, что показательно, принимает участие все население мультикультурного региона – последователи сикхизма, индуизма, ислама и христианства [Chauhan, 1995: 127]; в Китае в разные периоды года устраивают праздники «огненного дракона», в том числе, например, в Шанхае, сжигают его на высоком костре [21, электронный ресурс].

Смысл и содержание этого странного обряда, местами уцелевшего и до наших дней, а где-то возрожденного в память о старине, является предметом длительного обсуждения, хотя и, к сожалению, только в региональном аспекте. Европейские версии наиболее полно собрал Дж. Фрэзер в своей «Золотой ветви» [Фрэзер, 2001]. Однако, наибольшей популярностью пользуется славянская тема, именно здесь ритуалы во всей из красе, включая стихотворную фольклорную составляющую, встречались наиболее долго, были детально записаны, и в некоторой степени дожили до сегодняшнего дня в их естественной среде обитания. Тема эта давно и с удовольствием обсуждается в научной литературе[5].

Среди наиболее популярных в науке можно назвать солярную, очистительную, имитационную, конечно же аграрную. Не увядает и идея человеческих жертвоприношений

[5] Обстоятельный обзор концепций был сделан Проппом В.Я. [Пропп, 1963], из современных заслуживает упоминания работа Адоньевой С.Б. [Адоньева, электронный ресурс].

(эта тема при изучении древности, как и каннибализм, несколько столетий будоражит умы исследователей), согласно которой произошла замена людей на антропоморфных кукол. Основной является версия, связывающая создание и сжигание чучел с ритуальными действиями, направленными на плодородие земли и благополучие грядущего урожая. Эта тема беспроигрышная, потому что земледельческий пласт наложил на все праздники и ритуалы свой неизгладимый отпечаток и его следы заметны практически в каждом из них. Однако он часто лишь накладывался на уже существующий обряд, подчиняя его своим целям и трансформируя обычаи, но не уничтожая их. К тому же общность календарных празднований прослеживается не только у земледельческих народов. Попробуем выдвинуть и свою версию, исходя не из регионального своеобразия, а с позиции универсальности календарных праздников и существования в них первобытного слоя.

Обращает на себя внимание несколько фактов, указывающих на древность обряда сжигания определенных предметов на костре. Это ритуальный сбор хвороста и других горючих материалов для общего костра. Возможно, в глубокой древности каждый участник действа должен был внести свою лепту в общее дело, чтобы умилостивить огонь и силы природы. Тем, кто отказывался дать ветки или солому, часто устраивали пакости, мазали сажей лицо или заваливали мусором ворота [Фрэзер, 2001: 303]. Позднее ветки стали собирать, переходя от двора к двору, следуя определенному ритуалу. Известно, что в древности перед разведением костра устраивали в праздники шествия с ветками деревьев или с маленькими деревцами, как например, на Руси на праздник Ивана Купалы.

Самой знаменитой является древнегреческая иресиона, масличная ветвь, украшенная цветной шерстью, плодами, булочками, кувшинчиками с медом и вином, ею чествовали осенью Деметру (богиню плодородия) и Аполлона (бога солнца). Их прикрепляли потом на стенах домой, а впоследствии, возможно, сжигали в очаге [Зелинский, 1995: 185].

Сохранились и песни, которые распевали участники праздника:

Смоквы приносит
И сдобные булки
Нам Эйресиона,
Светлого меда в горшке
И масло для умащения,
Добрую чару вина, -
Угостился и спи, опьяненный. [2, 1968: 30].

Праздник был веселый, сытный, пьяный, похожий на все аналоги таких праздников в мире. Обращает на себя внимание и тот факт, что певцы обращаются к ритуальной ветке по имени, именно она несет им праздничное угощение и веселье, она персонифицируется. Знаменитый философ и специалист по античности А.Ф. Лосев прекрасно подметил, что иресиона в этом случае, это «и песня, и масличная ветка с плодами, и демон плодородия, для которого ветка является символом и к которому обращена данная песня… Результаты плодородящей природы обожествлялись одновременно с их появлением. Так древний человек выражал свои первые восторги перед кормящей его природой» [Лосев, 1957: 51].

Вероятно, позднее ветви и вязанки хвороста приняли антропоморфные формы, так было веселее и понятнее. И изначально, скорее всего, они были все-таки женские. Не из-за любимого многими матриархата, который в данном случае не играет никакой роли, вне зависимости от того был он или не был в первобытную эпоху. А в силу того, что речь идет о плодородии в более древнем его значении, глобальном, том, которое приносила в мир древняя кормилица всего сущего, одинаково дарившая пищу и жизнь и охотникам, и собирателям, и земледельцам, и скотоводам, всем людям, вне зависимости от их рода занятий и верований, да и вообще всем живым существам.

Отголоски этих первобытных представлений встречаются в более поздние эпохи, собственно, они так и не были изжиты человеком. Один из древнейших античных авторов Гесиод писал о безраздельной власти над землей, морем и небом богини подземного мира Гекате, возможно, раскрывая ее древнюю сущность, впоследствии забытую. Она не только дарует богатство и процветание тем, кто ей молится, но и охотникам

«очень легко на охоте дает она много добычи», на скотных дворах «множит скотину», может «малое сделать великим» [Виноградова, 1982]. Так называемый гомеровский гимн, обращенный к Гее, «всематери», «древней, всему, что живет, пропитанье обильно дающей». Жизнь и благополучие человека полностью в ее власти: «Ты плодовитость, царица, даешь и даешь плодородье; // Можешь ты жизнь даровать человеку и можешь обратно // Взять ее, если захочешь» [3, 1988: 136]. Эти свойства хороши для одного единого древнего божества, но такое всевластие странно смотрится в строгой иерархии греческих богов.

Это древнее божество или дух, который в более позднюю эпоху у разных народов принял разные форма и получил имена – мать всех богов, мать сыра земля, мать природа, божественная мать и т.д. К началу исторической эпохи, то есть к тому моменту, когда появляются письменные источники, большинство из них уже потеряло официальный статус и значение, как, например, аморфные и невнятные богини плодородия в Шумере, растворилось в новых более современных для своей эпохи божествах. Но сохранило свое значение в народном сознании и в народных ритуалах и верованьях.

Возвращаясь к обрядовому чучелу, представляется правомерным предположить, что оно представляло собой персонификацию праздника во всем его многообразии. В своем древнем, изначальном смысле, оно, или точнее она, и праздник, и божество, которому поклоняются в этот праздник, и ритуал, и обрядовая кукла. За несколько дней, а все календарные праздники отмечаются не меньше недели, а раньше, возможно, и дольше, оно проживает свою маленькую жизнь: рождается (или приходит в этот мир), чествуется, кормится, участвует в игрищах и шествиях (в русской культуре с ней часто «ходили в гости» на праздник), а потом умирает, пройдя обряд очищение огнем, чтобы вернуться назад в положенное время.

Отсюда и разнообразие названий, они обусловлены региональным характером, как и названия самих праздников в разных культурах (возможно, изначально и названий праздников было значительно больше, пока не прошла

религиозная унификация и все они не были объединены в большие группы, например, Рождество у христиан).

Например, Коляда. Это и праздничный период, охватывающий Рождество, Новый год и Крещение, и обрядовые пени, и сам обряд хождения по домам; колядовщиками называли участников действа, в новгородской губернии так называли и подарки, а в Белоруссии колядовать означало славить Христа [Коринфский, 1901: 534]. Словарь В. Даля приводит дополнительные значения: свинья, убиваемая на Рождество, коляда или кутья, рождественский или первый сочельник. Словарь Фасмера понятием «коляда» даже называет зимнее солнцестояние. Словом, это слово (имя) охватывает весь праздничный цикл зимних праздников. Она «уродилась» накануне Рождества, или откуда-то «Коляда пришла, // Рождество принесла» [Коринфский, 1901: 534], [Шейн, 1898: 309]. К ней обращаются как к женщине, ее славят и величают. Вероятно, шествия с «колядой» были вытеснены шествиями с Вифлеемской звездой, популярные повсеместно среди славян еще в XIX веке.

На Рождество (в некоторых регионах на Спиридона-солнцеворота) у славянских народов было принято разводить костры и сжигать на них разного рода предметы – веники, вязанки хвороста, полена и т.д. [Чичеров, 1957: 65]. В некоторых местах сжигали и соломенное чучело, установленное на период Рождества перед домом, перепрыгивали через этот огонь. Имени чучела не называлось. Зато хорошо известна традиция изготовления снопов из сена или соломы, к которым относились с большим трепетом и ставили на почетное место под иконы в день Рождества [Коринфский, 1901: 537], [Максимов, 1903: 315-316]. Естественно, этот обряд исследователи чаще всего объясняют аграрными ритуалами. Так вот в некоторых местах рождественский сноп называли «колядой», иногда охапку сена называли «бабой» [Виноградова, 1982: 214-215]. И приносили такую солому в дом только после прихода колядовавших певцов.

Народные песни-колядки сохранили очень личностное, теплое и живое отношение к «коляде» как к Коляде, персонификации праздника: «Колёдушка – коледа! // Ходила

коледа // По Святым вечерам»; «Коляда, коляда! // Ты подай пирога!»; «Тут ходили, // Тут гуляли // Колядовщики, - // Искали коляду // По всем дворам, // По всем улочкам // Переулочкам» [Шейн, 1898: 306, 309].

Ну и, наконец, с праздником прощались, его «хоронили», со всеми почестями и обрядами. Описаний похорон коляды автором найдено не было (что не значит, что их не существовало), отголоском их, возможно, служит популярная и очень странная святочная игра в покойников, воспроизводящая в шутливой форме весь похоронный ритуал. Зато записано множество прощальных песен, относящихся к ритуальным куклам-чучелам в другие сезоны. Например, похороны Костромы, приходившиеся на летний, июньский, цикл: «Кострома, Кострома, // Ты нарядная была, // Развеселая была, // Ты гульливая была! // А теперь, Кострома, // Ты во гроб легла!» [Шейн, 1898: 369]. Здесь уже очеловечивание праздника-ритуала очевидно. Кострому укладывали в гроб, оплакивали, часто с шутками-прибаутками, а затем сжигали, иногда разорвав на части. Похороны, помимо логически завершающей стадии праздничного цикла, символизировали и перемены. Каждый из четырех календарных праздников знаменовал собой смену сезонов, переход к новому, прощание со старым, воплощенным в ритуальной фигуре праздника.

Иногда праздничную фигуру топили в воде. Это не удивительно, крестьяне считали, что «огонь, как и вода, очищает всякую скверну» [Максимов, 1903: 214]. Ритуалы с водой напоминают те же, что и с огнем, ее «кормили», «украшали» цветами и венками, ее обожествляли. Купания, очищения, в воде сопровождали праздники – зимой купались в проруби на Крещение, летом на Ивана Купалу.

Древнейшим же представляется и обычай разрывать иногда фигуру праздника, он представляется тесно связанным с темой плодородия, причем опять же таки не в узком, аграрном, значении, а в более широком и всеобъемлющим. Древние мифы о появлении пищи нередко включат такого рода действие, так же как и мифы о богах, связанных с темой плодородия (с которой, впрочем, они связаны практически все). Так, тело божественной девы Хаинуеле, одного из центральных образов

мифологии народов восточной Индонезии, убитой соплеменниками, было разрублено на части, из которых выросли разнообразные клубни и корнеплоды, которые стали основой питания этих народов (См. Мифы народов мира). Был разрублен на части древнеегипетский Осирис, научивший народ земледелию. Разорвали на части собаки Актеона, внука бога солнца Аполлона и спутника бога плодородия Дионисия. Та же участь постигла и Орфея, любимца Аполлона, растерзанного возмущенными женщинами. Можно предположить, что разрывание праздничного чучела воспроизводило некий древний обряд плодородия.

Масленица, Кострома, Морена, Купала, - все это суть обозначения праздничных периодов, связанных с солнечным циклом и сменой сезонов.

Хотелось бы подчеркнуть, что в подобного рода праздниках очень значительным был игровой элемент. Безусловно, существовал символический и обрядовый смысл многих элементов, в том числе и древнейший, однако со временем превалировать стали два начала: суеверное и игровое. Часть ритуалов осуществлялась по привычке, «как делали в старину», «как деды учили», на всякий случай, чтобы не сглазить и т.д. В случае с урожаем и преумножением скота все средства были хороши, это было смыслом и основой существования многих народов, например, славянских, потому, возможно, так долго и хранивших «преданья старины глубокой». А надо полагать наиболее любимая составляющая праздников была игровой, состояла из игрищ, веселья, забав и радостей. Не стоит во всем видеть глубокий символический смысл, народное гуляние не всегда подчиняется законам разума и вообще далеко не всегда имеет смысл.

Замечательно показан праздник сжигания ведьмы-зимы в маленьком итальянском городке в фильме Федерико Феллини «Амаркорд». В нем очень много игры, много хулиганства, схематически воспроизводятся старые ритуалы, но нет сомнения, что основной смысл сводится исключительно к радости и общему веселью. Итальянская культура до крайности игровая, ориентирована на внешние проявления, суть и смысл происходящего не имеют значения, даже пресловутый аграрный

элемент отсутствует, так как городские жители к этому моменту (речь идет о 1930-х года, времени детства героя и самого Феллини) уже утратили связь с сельскохозяйственной основой жизни.

Весь городок ночью стекается на центральную площадь. Каждый тащит, что только можно – ветки, старую мебель, старые вещи – на огромный костер, который сложен на площади. Появляется «ведьма», которую несут танцующие люди, сопровождаемые духовым оркестром. Ее приветствуют криками, в том числе и игриво-эротическими, например, предлагают руку и сердце. Ведьму устанавливают на вершине костра, который зажигает самая красивая девушка города. Всех охватывает радостное возбуждение, начинается стрельба (в городе расквартированы солдаты), крики, взрывы петард. Много шуток, в том числе довольно плоских, много выпивки, поцелуев, шума и праздничного веселья. Под утром на притихшей площади старые женщины сметают золу от праздничного костра, праздник закончился.

В последнее время к традиции сжигания праздничных чучел все чаще подмешивается политический элемент. Упомянутые выше сассекские общества ежегодно выбирают очередных скандальных героев, причем «компания» весьма разношерстая: американский продюсер Харви Вайнштейна на пике его сексуальных скандалов, свои собственные премьеры Дэвид Камерон и Тереза Мей, шотландский лидер Алекс Салмонд, северокорейский Ким Чен Ын, немка Ангела Меркель, наш Владимир Путин, ведущий телепередачи Top Gear Джереми Кларксон, бывший президент ФИФА Йозеф Блаттер, народно фантазии нет предела. Известно также, что помимо конкретных знаменитостей, на костер часто попадают и житейские проблемы, те же англичане сжигали символические изображения потопа, после страшных наводнений на юге страны, или запрета на курение в пабах, после выхода соответствующего закона [The Daily Mail, электронный ресурс], [The Independent, электронный ресурс], [The Week, электронный ресурс].

Сжигали беды, трудности и недостатки и у нас. Так, в 1989 году в Вологодской области был записан рассказ местной

жительницы, о том, как в советское время сжигали чучела пороков, которые надо было искоренить, причем инициатором выступал председатель колхоза: ««На масленицу дак вот я, допустим, сама, когда в клубе работала, дак у нас были три чучела сделанные. Пьяница, лодырь, дебошир. Баба была одета пьяницей, я все бабкины юбки и дедкины старые штаны — всё перетаскала туда, в клуб, нагнетено туда соломой, в шапке, бабе — так платок, тут был этот к руке приделана, бутылка на верёвочке. Ну а сначала тут концерт как сделают, а потом скажут: «Ну-у! Пошли масленицу жечь!» Ну, так тут председатель или колхоза, или председатель сельсовета выступит, что такие-то достижения, такие-то достижения, но есть среди нас и такие-то, но давайте бороться с этими недостатками. Сожгём, чтобы у нас было меньше пьяниц, меньше было хулиганов, меньше было лодырей» [13, электронный ресурс].

Подобная традиция вполне вписывается в общую идею годовых праздников. Во-первых, переход к новому предполагал попытку оставить старое, ненужное, негативное, в старой жизни путем сожжения в праздничном символическом костре. Отсюда и традиция в некоторых странах, например, в Италии, сжечь в весеннем костре какое-то личное старье, мебель, утварь или одежду, чтобы символически очистить старый быт. Во-вторых, здесь вероятно слышны отголоски древнейших первобытных верований, относящиеся учеными к разряду магических (Фрэзер называл это «симпатической магией» [Фрэзер, 2001: 20-22], С.А. Токарев «имитативной магией» [Токарев, 1990: 428], и многие другие). Только данное действо предоставляется еще более изначальным, направленным не на какое-то конкретное лицо (подобно знаменитым куклам вуду), которому хотят навредить, а на явление, событие, недостаток, мешающие данному конкретному обществу нормально жить. Этот отголосок древнего прошлого в современной жизни носит символически-игровой характер, которому вряд ли придается большое значение.

Литература

1. Адоньева С. Б. Обрядовое чучело: проективный принцип ритуальных практик [Электронный ресурс]. URL:

http://folk.ru/ Research/adonyeva_obriad_chuchelo.php (дата обращения: 19.09.2018).
2. Античная лирика. М., 1968. С. 30.
3. Античные гимны. М., 1988. С. 136.
4. Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М., 1982.. 215, 214.
5. Гесиод. Труды и дни. 33-34. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/weresaew_w_w/text_0300.shtml (дата обращения - 20.09.2018).
6. Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. СПб., 1995. С. 185
7. Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь. М., 1996. С. 441—442.
8. Коринфский А.А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц Русского народа. М., 1901, С. 534.
9. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 51.
10. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1903. С. 315-316.
11. Народы мира. Этнографические очерки. Народы Передней Азии. М., Наука. 1957, С. 204.
12. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.
13. Русский фольклор в современных записях. [Электронный ресурс]. URL: http://folk.ru/DB/folk.php?folkID=19&rubr=db2 (дата обращения - 20.09.2018).
14. Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: 1990. С.428.
15. Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2-х т. Т.2: М., 2001. С. 303.
16. Чичеров В.И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI - XIX веков. М., 1957. С 65.
17. Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1898, С. 309.
18. Cambridge History of Iran, vol. 3(2), Cambridge University Press, 1983. P. 792–818.

19. Chauhan, Ramesh K. Punjab and the nationality question in India. New Delhi, 1995. P. 127.
20. Daily Mail. [Электронный ресурс] URL: http://www.dailymail.co.uk/news/article-5050365/Harvey-Weinstein-effigy-torched-Edenbridge-bonfire.html (дата обращения - 20.09.2018).
21. Dragon Burn [Электронный ресурс] URL: http://www.dragonburn.org/ (дата обращения - 20.09.2018).
22. Hutton, Ronald (1996) Stations of the Sun: A History of the Ritual Year in Britain. Oxford, Oxford University Press, p. 361.
23. Monaghan, Patricia. The Encyclopedia of Celtic Mythology and Folklore. Infobase Publishing, 2004. p.41.
24. The Independent [Электронный ресурс] URL: https://www.independent.co.uk/news/uk/this-britain/fire-in-their-bellies-meet-sussexs-traditional-bonfire-societies-8914042.html (дата обращения - 20.09.2018).
25. The Guardian, International edition, 3 November 2017. [Электронный ресурс] URL: https://www.theguardian.com/world/2017/nov/03/lewes-bonfire-society-agrees-to-stop-blacking-up-in-annual-parade (дата обращения - 20.09.2018).
26. The Week [Электронный ресурс] URL: http://www.theweek.co.uk/66623/lewes-bonfire-night-pictures (дата обращения - 20.09.2018).

СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА

Ахренова Наталья Александровна
Natalia Akhrenova

Функционально-стилистические доминанты языка интернета

Functional syntactic dominants of the language of the Internet

Аннотация: Развитие интернета подарило современной лингвистике большое разнообразие жанров для изучения. Некоторые классические жанры, такие как, например, дневник, обрели новые характеристики, возможности и среду распространения благодаря стремительному развитию жанра блогов в интернете. В этой связи назрела необходимость более детального изучения жанров современного интернет-дскурса. В статье представлен обзор основных на сегодняшний день классификации жанров интернет-дискурса, а также представлены классификации жанров по степени синхронности/асинхронности и интерактивности.

Abstract: Due to the development of the Internet, linguistics got a wide range of genres to study. Some genres, as for example, a diary, acquired new characteristics, scopes and environment due to the popularity of blogging. In this respect linguists need to give a detailed description of the genres of the Internet discourse. In the article an overview of the existing classifications of the genres of the Internet discourse including the classification according to the degree of synchronicity\asynchronicity and interactivity is given.

Ключевые слова: интернет-лингвистика, интернет-дискурс, жанр, коммуникативные жанры, синхронные и асинхронные жанры.

Key words: Internet-linguistics, Internet discourse, genre, communicative genre, synchronous and asynchronous genres.

В современных условиях язык интернета всё чаще понимается не только как весь массив или даже корпус текстов, существующих в интернете, но и как устойчивая внутриязыковая система, характеризующаяся вполне определённым набором лингвостилистических свойств и признаков. При этом одной из важнейших характеристик данной системы является соотношение вербальных и аудиовизуальных или других поликодовых компонентов, специфическое для каждого жанра интернет-дискурса, будь то общеинформационные жанры или жанры новостей, научно-образовательный и специальные информационные жанры, художественно-литературные жанры, развлекательные жанры интернета и т. д.

Одной из центральных задач интернет-лингвистики является определение стилевого статуса языка интернета, описание его с точки зрения функционально-стилевых особенностей.

Проблема эта в высшей степени сложная. Во-первых, в силу сложности и стилевой разнородности самого объекта – языка интернета; во-вторых, из-за отсутствия единого мнения по поводу функционально-стилистической дифференциации языка в целом. На сложность и многогранность процесса общения в интернете как предмета исследования указывает то, что нет традиции специального исследования интернет-коммуникации в целом и языка общения в интернете в частности. Сложность эта вызвана, во-первых, тем, что текст создаётся чаще всего коллективно, во-вторых, тем, что общение в интернете охватывает своим содержанием все прочие виды и разновидности устного и письменного слова. Язык существует в интернете в основном в письменной форме, но в условиях интерактивной сетевой коммуникации темп речи приближен к её устной разновидности.

Поэтому продолжают обсуждать вопрос – близки ли тексты, созданные в интернете, устной или же письменной форме речи. Как средство массовой коммуникации, он объединяет в себе признаки устной и письменной форм речи. Такие дискурсивные жанры, как электронная почта, чаты и виртуальные миры, хотя и существуют в письменной форме, обладают целым рядом очевидных признаков устной речи.

Вопрос о функционально-стилистической дифференциации языка до настоящего времени не получил однозначного решения. Существуют различные концепции классификации функциональных стилей, авторы которых за основу берут различные критерии и пользуются отличающимся терминологическим аппаратом для описания, по сути, одних и тех же языковых явлений. По утверждению Т.Г. Добросклонской, такая ситуация вполне закономерна и объясняется тем, «что функциональная стилистика – это одна из самых динамичных областей языкознания, призванная отражать развитие языковых процессов, движение и взаимодействие языковых стилей в различных сферах речеупотребления»

[Добросклонская, 2008, с. 36]. Д.Н. Шмелев пишет: «Само выделение различных стилей может быть проведено на основе различных критериев» [Шмелев, 1977, с. 16]. Далее автор отмечает: «…нет оснований думать, что, принимая тот или иной критерий, мы уже в силу этого вступаем в противоречие со всеми иными концепциями стилей, с другими принципами группировки функциональных разновидностей языка. По-видимому, лишь по-разному осветив различные аспекты этой объективно многоаспектной проблемы, мы сможем правильно оценить удельный вес различных критериев» [Там же].

Вопрос об определении стилевого статуса языка интернета имеет две стороны: 1) язык интернета как самостоятельное стилеобразование в системе прочих, уже сложившихся функциональных стилей или жанропорождающая среда (термин Е.И. Горошко); 2) критерии внутренней функционально-стилевой дифференциации языка интернета. Базовые критерии для определения стилевого статуса любого языка – и языка интернета – изначально содержатся уже в традиционном определении стиля, функционального стиля и его признаков. «Стиль – это разновидность языка, закрепленная в данном обществе традиций за одной из наиболее общих сфер социальной жизни и частично отличающаяся от других разновидностей того же языка по всем основным параметрам – лексикой, фонетикой, грамматикой. Функциональный стиль – разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально-значимой сфере общественно-речевой практики, особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере. Стиль всегда характеризуется принципом отбора и комбинации наличных языковых средств… Для каждого функционального стиля существует регулярная воспроизводимость, предсказуемость употребления определенных языковых явлений» [Ярцева, 1990, с. 494, 495].

Ф.С. Бацевич предлагает рассматривать жанр как «прагматическую социопсихокогнитивную категорию языкового поля, то есть языка в процессе общения, формирования дискурсов, которая включает в себя способы представления типов ситуации в образе конкретных

коммуникативных тактик и коммуникативных шагов разворачивания дискурса» [Бацевич, 2005, с. 53].

М.С. Рыжков определяет жанровый формат как «прототипную конфигурацию развертывания того или иного дискурса, определяемую его стандартными прагматическими показателями (интенциями, мотивами, интересами, установками, целями, тактиками, речевыми стратегиями) и экстралингвистическими условиями осуществления взаимодействия. Жанры представляют собой естественно сложившиеся дискурсивные форматы, предполагающие некоторую рецептивную преемственность на стороне адресата» [Рыжков, 2010, с. 57].

Что касается таких признаков функционального стиля, как регулярная воспроизводимость и предсказуемость употребления определённых языковых средств, нельзя не заметить, что в сфере интернет-коммуникации при бесконечно увеличивающемся разнообразии текстового потока наблюдается тематически структурированное, очевидно различимое единообразие, которое как бы упорядочивает весь этот огромный ежедневно обновляемый текстовой массив. При этом новые тексты создаются произвольно, но существует ряд клише, которые используются повсеместно внутри одного жанра. Тексты сообщений в интернете собираются из разнородного лексико-синтаксического материала, который распределяется по разнообразным интернет-форматам и превращает текст в тематически связанные, но лингвистически непредсказуемые произведения речи. Содержание текстов интернета меняется ежеминутно, также быстро меняется их форма.

Таким образом, с одной стороны, язык интернета обладает определённым единством, целостностью, что обусловлено особенностями речеупотребления в сфере интернет-коммуникации, заданностью форм, а с другой – разнообразной тематической структурой, достаточной степенью функционально-стилевого разнообразия, что отражает универсальность тематики, открытость и подвижность текста, порождённого в интернете.

Согласно определению М.М. Бахтина, жанр – это «…устойчивый тип текста, объединенный единой

коммуникативной функцией, а также сходными композиционными и стилистическими признаками» [Бахтин, 1979, с. 255]. С помощью системы жанров определённым образом упорядочиваются наше общение и производимый человеком текст в любой его форме (устной, письменной, электронной).

Зарубежные лингвисты выстраивают концепцию жанров в рамках анализа дискурса. На наш взгляд, сегодня необходимо рассматривать жанры как дискурсивные, т. к. в рамках интернет-дискурса жанры необходимо изучать, обращая внимание не только на лингвистические и структурные особенности текстов, но и на специфические условия среды, в которой происходит коммуникация, и т. д. В российской лингвистической теории интернет-жанры изучаются с позиции лингвофилософии. В основе же лежат отличительные особенности интерпретации интернет-дискурса [Компанцева, 2006]. Обычно параллельно проходит рассмотрение виртуальной личности с позиции лингвопрагматики, как интернет-жанра.

Такие исследователи, как Е.И. Горошко, N.O. Finnemann, S. Herring и др., выделяют следующие факторы интернет-среды, оказывающие влияние на интернет-жанры: 1) гипертекстуальность и интерактивность среды; 2) технические возможности интернета в передаче и обновлении информации и возможности креолизованных текстов; 3) мультимедийное оформление; 4) временные параметры передачи информации; 5) способы прочтения текста (линейный и нелинейный; навигационный и обычный (линейный)); 6) характер содержащихся в тексте гиперссылок (внутренние или внешние); 7) частоту обновления информации; 8) фигуру автора текста (возраст, пол, родной язык, социальный статус, семейное положение, множественность или единственность авторства текста, коммуникативные цели и т. д.) [Arnold et al., 1999, p. 15]; 9) вслед за филологом И. Эскхэв и её соавторами позиции читателя-обывателя и читателя-навигатора [Askehave et al., 2005] (первых, по мнению автора, гораздо больше, а позиция читателя-навигатора нестабильна и может меняться. Именно в этой связи авторами предлагается принимать во внимание

способ прочтения текста читателем и характер гиперссылок); 10) свойства среды, влияющие как на цели, так и формы интернет-жанров, что необходимо учитывать при построении их классификации [Askehave et al., 2005, p. 4].

Стараясь описать всё многообразие коммуникации в Сети, С. Херринг предложила вообще отказаться от понятия *жанра* или *формата коммуникации* и обратиться к аспектному подходу, уже достаточно хорошо разработанному в библиотековедении и информатике [Herring, 2004]. По мнению С. Херринг, подход с позиций теории жанров обладает рядом ограничений. Он упрощает всё коммуникативное богатство Сети, сводя его к определ`нным уровням абстрагирования [Горошко, электронный ресурс].

Существуют и несколько иные классификации электронных жанров. В исследовании, проведённом М. Шеферд и С. Ваттерс, все электронные жанры подразделялись на основе их связи с «бумажным» прототипом: выделялись абсолютно новые и модифицированные бумажные варианты. В свою очередь, новые электронные жанры были подразделены в зависимости от времени образования жанра на *спонтанные* и *формирующиеся постепенно*. Модифицированные жанры или включали точные электронные копии бумажных, или представляли одну из их *разновидностей* [Shepard, 1998], которая со временем адаптировалась к условиям веб-среды. Шепард и Ватерс также указывают, что электронный жанр зависит полностью от медийных возможностей среды, которая как влияет на динамику изменения жанра, так и способствует стихийному возникновению новых на период написания работы, например, *часто задаваемых вопросов «FAQ»* или *последних новостей* «*hot list*». Эти жанры включили *персональную страницу, брошюру, ресурс, каталог, поисковую систему* и *игру*. На основании проведённого исследования авторы пришли к таким выводам: все электронные жанры могут быть сведены к небольшому количеству классов; большую половину веба занимает деловая информация и бизнес-сайты; функциональность является неотъемлемой характеристикой электронного жанра, которая быстро эволюционирует из-за постоянно возрастающих возможностей Сети, однако её

устойчивость наряду с формой и содержанием в пределах отдельного электронного жанра также важна для его структуры [Crowston, 2000].

Вслед за Д. Кристалом О.Ю. Усачева вводит понятие «формат» коммуникации наравне с понятием «жанр». Однако понятие «формат» так и не нашло применения в современной лингвистике. Выделяются следующие жанры интернет-дискурса: чат, электронная почта, форум, блог, микроблог, телеконференция, вебинары, ICQ, виртуальные миры. Исследователь при этом отмечает, что к коммуникативно-центральным жанровым форматам относятся электронная почта, форум, блог, микроблог, чат, ICQ, а к коммуникативно-периферийным жанровым форматам – виртуальные миры, вебинары, поисковые системы [Усачева, 2009, с. 58].

На наш взгляд наиболее удобными для лингвистического анализа в интернет-лингвистике являются классификации электронных жанров, предложенные Д. Кристаллом [Crystal, 2001] и Л.Ю. Ивановым [Иванов, 2000], т. к. они обладают набором конструктивных жанровых признаков.

Так, Д. Кристал выделяет пять жанров, или основных ситуаций использования интернета (broad Internet-using situations): электронную почту, синхронные и асинхронные чаты, включая BBS (*bulletin board system* – электронная доска объявлений), виртуальные миры (MUDs), и отдельно Всемирную паутину (World Wide Web) [Crystal, 2001]. Сегодня, конечно, список жанров можно продолжить. Более того, данная классификация является открытой и может расширяться по мере увеличения числа сервисов интернета и развития технологий.

Каждая из пяти ситуаций использования интернета обладает собственными языковыми особенностями.

Интересный анализ теории речевых жанров в приложении к интернету содержится в работе Л.Ю. Иванова [Иванов, 2000]. В своей классификации Л.Ю. Иванов предлагает выделять следующие жанры:

1. Общеинформационные жанры или жанры новостей. СМИ в интернете разделяются на имеющие традиционные «бумажные» аналоги и на собственно сетевые СМИ, которые на бумаге вообще не издаются.

2. Научно-образовательные и специальные информационные жанры (электронные научные и учебные издания, интерактивные учебные курсы, виртуальные факультеты и университеты и т. д.).

3. Художественно-литературные жанры присутствуют в интернете во всём своём разнообразии. Пополнение происходит в основном за счёт традиционных литературных произведений, которые были опубликованы на бумаге, а затем перенесены в Сеть, но существует и ряд писателей, пишущих лишь в интернете.

4. Развлекательные жанры интернета. Среди них жанры, объединённые юмористической или эротической направленностью.

5. Жанры, оформляющие неспециальное, непрофессиональное общение. Это прежде всего всевозможные дискуссионные группы, чаты или *IRC* в *MUD*, сегодня Твиттер. К жанрам, оформляющим неспециальное общение, относятся также гостевые книги, письма электронной почты, избранные почтовые рассылки, социальные сайты, форумы и др.

6. Деловые и коммерческие жанры (профессиональные и непрофессиональные коммерческие доски объявлений, аналитические обзоры рынков и отраслей, информационные письма, информация на сайтах крупных компаний (корпоративных сетей), имеющая не только рекламный, но и технический и познавательный характер, баннеры).

При этом Л.Ю. Иванов предлагает разделить жанры на «исконно сетевые», т. е. порождённые самим использованием языка в Сети (чаты и дискуссионные группы, микроблоги), и заимствованные интернетом из других сфер общения (аннотации научно-технических статей или передовицы электронных СМИ).

По нашему мнению, дискурсивные жанры интернет-дискурса могут быть классифицированы по степени синхронизации общения и типу обратной связи. Так, мы считаем, что в классификации Л.Ю. Иванова, которую мы берём за основу, синхронными можно считать дискурсивные жанры, оформляющие неспециальное, непрофессиональное общение. Соответственно, к асинхронным дискурсивным жанрам можно

отнести общеинформационные жанры или жанры новостей, научно-образовательные и специальные информационные жанры, деловые и коммерческие жанры, некоторые развлекательные жанры. На рисунке 1 предлагается классификация, где синхронные дискурсивные жанры находятся с левой стороны отрезка, а асинхронные – в конце отрезка.

Рисунок 1 – Классификация жанров по степени сихронности / асинхронности

На рисунке 1 показано, что развлекательные жанры дублируются, они занимают промежуточное положение. Это связано в первую очередь с разнообразием контента, который мы относим к развлекательным жанрам. Развлекательным жанром можно считать объявления на сайте знакомств, сопровождающиеся чатом, где происходят знакомства и общение. Этот жанр приобретает черты жанра, оформляющего неспециальное и непрофессиональное общение, т. е. относится к жанрам с высокой степенью интерактивности. Однако наибольшее количество контента подобного содержания,

который хранится в интернете, может быть отнесено к асинхронным жанрам, поскольку в большинстве своём это сборники анекдотов, шуток, тостов, демотиваторы, сайты эротического содержания, коллекции юмористических рассказов и т. д., в которых пользователь может комментировать, добавлять своё содержание, поделиться с друзьями, отметить что-нибудь как понравившееся. Но эта информация, как правило, не предполагает активного взаимодействия и коммуникации.

Благодаря возможностям интернета все жанры интернет-дискурса можно считать интерактивными (коммуникативными), т. к. пользователи могут участвовать в процессе создания новостей, написании словарных статей, комментировать новости, даже делиться своими видео по тематике и т. д.

Можно разделить жанры по степени интерактивности следующим образом:

- к высоко коммуникативным дискурсивным жанрам относятся общеинформационные, научно-образовательные, жанры, оформляющие неспециальное, непрофессиональное общение, т. к. взаимодействие в этих жанрах осуществляется посредством форума, чата, мессенджера, что предполагает мгновенный или почти мгновенный ответ;
- к низко коммуникативным относятся деловые и некоммерческие жанры, т. к. обратная связь осуществляется через электронную почту или телефон, редко через форум или программу обмена мгновенными сообщениями.

Данная классификация представлена на следующей схеме (см. рисунок 2), где жанры изображены в порядке снижения степени их коммуникативности. Вверху графика отражены жанры с наивысшей степенью интерактивности, а внизу – с низким уровнем коммуникативности.

Рисунок 2 – Классификация жанров по степени коммуникативности

Как видно из обсуждения, наиболее характерные особенности языка интернета исследователи выделяют как раз на базе исконных сетевых жанров. Именно в них наиболее полно реализуются языковые новации. На базе их изучения проще выявляются возможные направления воздействия языка интернета на общелитературный язык. В заимствованных

жанрах интернета определить различия труднее. Отдельные заимствованные жанры могут почти не отличаться друг от друга в виртуальном и «бумажном» варианте. Особенности таких жанров часто продолжают определяться в первую очередь не столько фактом их бытования в интернете, сколько той функциональной разновидностью языка или сферой общения, из которой они перешли в интернет. Некоторые из заимствованных жанров тяготеют к разговорной речи, сленгу или жаргону, другие обладают признаками специальных языков, третьи принадлежат языку художественной литературы.

Язык интернета следует рассматривать как особое и самостоятельное стилистическое образование, необходимо отметить недостаточную разработанность проблем, связанных с его внутренней функционально-стилевой дифференциацией. Это объясняется, прежде всего, тем, что язык интернета стилистически неоднороден, синкретичен в плане использования устной и письменной форм речи, характеризуется взаимопроникновением стилей и их разновидностей, размытостью стилевых границ. До сих пор нет достаточно полного системного описания языка интернета с точки зрения его внутренней функционально-стилевой дифференциации, хотя в последние годы в этом направлении сделано многое, особенно в области изучения языка отдельных жанров интернет-дискурса (чата, форума, электронного письма, виртуальных миров, микроблогов, блогов и т. д.).

Повышенное внимание к языку рассмотренных выше жанров интернет-дискурса вполне закономерно. Во-первых, данные жанры являются исконно сетевыми, не пересекающимися с печатными жанрами, в которых складывались и формировались основные стилистические приёмы и средства, характерные для языка интернета в целом. Во-вторых, тексты, созданные в чатах, форумах, микроблогах и блогах, представляют собой наиболее доступный и удобный с точки зрения лингвистического описания материал. Более того, если сравнить корпус текстов этих жанров в целом с совокупным текстовым массивом всех остальных сетевых жанров, станет очевидно, что здесь они заметно превосходят все прочие жанры.

Всё это позволяет рассматривать язык вышеупомянутых жанров в качестве базового компонента языка интернета вообще.

Именно в чатах, блогах и микроблогах происходят активные процессы общеязыковой адаптации значительной части лексики и словосочетаний; определённые речевые элементы разных стилей приобретают частотность, вливаются в общий стилевой поток, частично нейтрализуются в нём и формируют новую стилистическую целостность, главным конструктивным принципом которой является именно сочетание элементов разных стилей. Таким образом, основная трудность системного описания стиля интернет-коммуникации связана с его собирательной природой, отражающей собирательность объекта и многоплановость проблематики и проявляющейся в многожанровости, а также в иерархичности: каждый жанр может включать в себя несколько более мелких жанров (subgenres). Как, например, жанры, оформляющие неспециальное, непрофессиональное общение, включают: чат, в который могут входить, в свою очередь, флуд, флирт, спам, троллинг; общение в мессенджерах; микроблоги; социальные сети и т. д. Внутри этих микрожанров происходит деление на ещё более мелкие жанры, которые мы предлагаем считать ситуациями общения.

Их подробную классификацию представляет О.В. Лутовинова в работе «Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса» [Лутовинова, 2009]. Наряду с уже обозначенными выше автор выделяет такие жанры, как: флейм, сетевой флирт, виртуальный роман, креатифф, флуд, кроспостинг, оверквотинг, оффтопик, псевдографика, ничего не значащий набор символов, спам, послание.

По мнению О.В. Лутовиновой флейм представляет собой форму жанра дебатов, конструктивного спора [Лутовинова, 2009]. Флейм считается отклонением от норм сетикета, за инициирование флейма и участие в пользователю может быть закрыт доступ к ресурсу [Лутовинова, 2009].

Флирт, или любовная игра – речевой жанр широко распространённый как в реальной жизни, так и в интернете.

Поэтому пользователям всех возрастов хорошо извесен набор формул и клише, характерных для данного жанра [Лутовинова, 2009].

Сетевой флирт имеет ряд особенностей: 1) он не предполагает выхода за пределы интернет-дискурса; 2) в отличие от флирта в реальной жизни, флирт в интернет не столь быстротечен и может не закончиться ничем конкретным; 3) часто носит игровой характер, когда каждый из участников коммуникативного процесса берёт на себя ту или иную роль и импровизирует совместно с партнёром по коммуникации, получая от этого удовольствие [Лутовинова, 2009].

Виртуальный роман возникает на сайтах знакомств, в чатах, мессенджерах, социальных сетях и т.д., а также имеет ряд отличий от флирта и романа реального: 1) это фаза подготовки к реальному роману или очному знакомству; 2) виртуальные знакомства непродолжительны во времени, т.к. их основная цель перейти к фазе личного знакомтва в реальной жизни; 3) однако есть разновидность виртуального романа, которая предполагает длительное общение в форме писем и сообщений, в котором участвуют мужчины и женщины, питающие друг к другу интерес на психоэмоциональной почве, но, в силу разных причин, ограничивающие общение только дистанционной формой [Лутовинова, 2009].

Мы не согласны с О.В. Лутовиновой, что креатифф, или язык падонкаф, или аффтарский язык – это жанр интернет-дискурса. На наш взгляд, это всего лишь специфический вид сленга, включающий в себя особый пласт лексики. Употребление аффтарского языка не является повсеместным, не влияет на общий уровень культуры, языковые процессы, происходящие в обществе, его активное и креативное использование происходит на ограниченном количестве сайтов, таких как *udaff.com, padobki.org* и т. д. В общем объёме общения в интернете употребление креативного аффтарского языка ограничивается лишь лимитированным числом клише или, как их принято называть, интернет-мемами типа «Превед Медвед!», «выпей йаду», «аффтар жжет», «в Бабруйск жывотное» и т. д., о которых говорилось выше. В последнее время эти рудименты

«олбанского языка», популярного 10 лет назад, постепенно исчезают из узуса.

Еще одним жанром интернет-дискурса считается флуд, который представляет собой большое по объёму текстовое или графическое сообщение, распространяемое на интернет-ресурсах, предназначенных для посещения многими пользователями: в чатах, форумах, гостевых книгах, комментариях в дневниках и т. п.

О.В. Лутовинова предлагает рассматривать флуд в качестве речевого жанра исходя из представления речевого жанра как концептосферы, предложенного Г.Г. Слышкиным [Слышкин, 2005, с. 43], поскольку с точки зрения лингвокультурной концептологии речевой жанр является полем реализации определённого спектра социальных ценностей. В рамках жанра флуда происходит завязывание большого числа контактов и свободы самовыражения посредством привлечения внимания. Это делает флуд фатическим речевым жанром, т.к. основная цель участников виртуального дискурса, использующих данный жанр, – быть замеченными.

Основными видами флуда можно считать: кросспостинг, оверквотинг, оффтопик, псевдографику, хакерские атаки.

Спам также является одной из разновидностей флуда, который используется участниками виртуального дискурса как без определенной цели, так и в качестве мести за выдворение из чата или форума за какое-либо нарушение правил; также это может быть вид навязчивой рекламной рассылки, используемой с целью продвижения определнного товара. Спам рассылки могут быть как коммерческого харктера, так и некоммерческого, примером некоммерческой рассылки спама могут быть так называемее письма счастья разнообразного содержания. Такие спам рассылки были типичны для начального этапа становления интернета, когда почтовые сервисы не имели той системы защиты почтовых ящиков своих пользователей, которая имеется сегодня. Парадоксальным явлением сегодняшнего времени является, так называемая, добровольная рассылка спам-сообщений среди своих подписчиков. Чаще всего такие письма не преследуют цели извлечения коммерческой выгоды.

Согласно определениям толковых словарей, под посланием понимается: 1) письменное обращение к кому-либо, письмо; 2) официальное письменное обращение государственного или общественного деятеля (или организации) к другому деятелю (или другой организации) по какому-либо важному вопросу; 3) литературное произведение, в форме авторского обращения к кому-либо; 4) одно из произведений раннехристианской литературы, приписываемых церковью апостолам. Во всех словарях также даётся стилистическая помета «устаревшее» или «книжное». В рамках виртуального дискурса «послание» соотносимо с первым значением и представляет собой короткое сообщение, которое оставляют посетители того или иного сайта в гостевой книге. Пользователь интернета, посетивший какой-либо сайт, может выразить своё мнение по поводу представленной на нём информации, поблагодарить создателей, если сайт понравился и оказался полезным, или выразить критические замечания. Поскольку гостевые книги сайтов сходны с книгами отзывов в музеях, ключевым словом при рассмотрении послания будет являться «отзыв».

О.В. Лутовинова предлагает выделять жанры интернет-дискурса на основе структуры, композиции и интенционального разнообразия текстов, рождённых в интернете. Выделяются дискурсобразующие (электронное письмо, блог, чат, форум, гостевая книга, многопользовательская сетевая ролевая игра, СМС и т. д.) и дискурсоприобретённые жанры (флуд, флейм, спам, креатифф, виртуальный роман, сетевой флирт, послание) [Лутовинова, 2009]. Автор также разделяет точку зрения О.В. Лутовиновой. [Лутовинова, 2009].

Хотелось бы отметить также специфические для интернет-общения креолизованные жанры с ярко выраженной комической направленностью: демотиватор, карикатуру, веб-комикс, комические видеовербальные тексты.

Демотиватором принято называть изображение в рамке и комментарий к нему в виде слогана определённого формата. Изначально демотивационные постеры появились как ответ на предвыборные агитационные плакаты в США. Смысл создания демотивационных постеров был в том, чтобы, аналогичные по

образцу и стандарту агитационным плакатам, они вызывали вместо положительных эмоций отрицательные: грусть, отчаяние, уныние. Со временем тематика демотиваторов расширилась до комической.

Как и другие жанры интернет-дискурса, демотиватор предполагает детальное соблюдение формата, на основе которого строится постер. Практически всегда он представляет собой плакат, на чёрном фоне которого размещено изображение-иллюстрация в рамке; внизу этого изображения написан слоган или лозунг, это может быть как известная всем цитата или интернет-мем, так и просто авторская надпись, отражающая восприятие автором или определённым сообществом проиллюстрированной темы или проблемы. Надпись может быть выполнена крупным шрифтом и представлять собой основную мысль в виде слогана, а ниже в некоторых случаях даётся его расширенное объяснение, сделанное часто в форме цитаты. Русскоязычные пользователи знакомы с такими сайтами-хранилищами демотиваторов, как *demotivators.ru, jokesland.net.ru*. Демотиваторы активно комментируются в популярных социальных сетях.

Демотиваторы носят прецедентный характер, так как они тесно связаны с культурой, актуальными событиями в обществе, требуют от авторов и читателей помимо чувства юмора определённых фоновых знаний, развитого ассоциативного мышления и мощных пресуппозиций.

С точки зрения тематики и содержания демотиваторы связаны с актуальными событиями в жизни общества или более узкого сообщества, они должны быть яркими и запоминающимися, даже саркастичными. В связи с этим для их создания часто используются фотографии известных людей, мультипликационных персонажей, кадры из известных художественных и мультипликационных фильмов, рекламных роликов известных марок, изображения, связанные с определёнными культурными и историческими событиями и т. д.

Впервые в истории лингвистики и филологии происходит процесс влияния жанров интернет-дискурса на жанры классической литературы (мы противопоставляем

традиционную бумажную литературу сетературе). Удобнее всего, на наш взгляд, проследить за этим процессом на примере популярной художественной литературы, жанра динамичного, быстро развивающегося, более всего подверженного влиянию социума.

Отличительной чертой произведений популярной художественной литературы является то, что они как «губка» впитывают в себя сюжеты, ценности и реалии, которыми живёт современное общество, активно реагируют на политические, экономические, технические и социальные перемены и условия как в отдельно взятой стране, так и во всём мире.

Говоря о функционально-стилистических особенностях интернет-лингвистики и интернет-дискурса, нельзя не упомянуть такие понятия, как «норма» и «узус».

Мы придерживаемся точки зрения Л.Ф. Компанцевой, что развитие литературной нормы в интернете осуществляется через узус. В данном случае узус является промежуточным этапом по отношению к норме [Компанцева, 2008, с. 33]. Представляет интерес замечание Л.Ф. Компанцевой, что проблема нормы и узуса в интернете интересует не только профессиональных лингвистов, но и простых пользователей, и она приводит при этом пример – статью «Узус душит норму» [Компанцева, 2008, с. 34]. Базируясь на высказываниях участников интернет-дискуссий, Л.Ф. Компанцева приводит следующие семантические составляющие узуса: *сам складывается, так говорят, использование, употребление, общепринятое употребление языковой единицы*. «Узус – *не норма, не официоз, но и не анархия, не полное своеволие»* [Компанцева, 2008, с. 34]. Часто в сочетании с термином «узус» можно встретить «пользовательский». Таким образом, мы соглашаемся, что узус в интернете способствует вариативности нормы, впитывает изменения нормы, он формируется в развитии.

Тот факт, что в интернет-лингвистике ещё не выработаны единые правила употребления лексики и правописания, говорит о том, что узус и норма ещё не сформировались до конца и находятся в процессе формирования, более того, норма в интернет-лингвистике и интернет-дискурсе формируется через узус. Таким свидетельством также может быть большое

количество словарей интернет-лексики и интернет-терминологии. Помимо всего вышеупомянутого, в каждой работе, посвящённой интернет-лингвистике, авторы подчёркивают необходимость исследования этого внушительного пласта лексики, который продолжает расти и постоянно развиваться.

Польский лингвист Ядвига Пузинина [Puzynina, 2002] говорит о натиске узуальной нормы, которая перестраивает язык не только лексически, но и категориально. Поэтому массовая и популярная культура, а точнее, их узуальность, по мнению автора, называются «семиотическим партизаном», в интернете этот «партизан» вырывается на свободу, и поэтому происходят «размывание культурных границ, смешивание кодифицированных и узуальных норм». Порой действие этой «узуальности» очень агрессивно, разрушается внутриязыковая иерархия, например, в сообществах и чатах самоубийц, различных сект, сайтах знакомств и т. д.

Таким образом, интернет с точки зрения лингвиста – «это особая коммуникативная среда, особое место реализации языка, никогда ранее не существовавшее, дающее возможность изучения коммуникативного аспекта языка, его функционирования в лингвокультурологической среде, а не в отрыве от реальной речевой деятельности» [Компанцева, 2008, с. 37]. Она является внешней доминантой по своей природе, однако в процессе интернет-коммуникации и развития интернет-дискурса, отличающегося гипертекстуальностью, становится неотъемлемой внешней доминантой интернет-линвистики в целом.

Список литературы

1. Бацевич Ф.С. Лінгвістична генологія: проблеми і перспективи. Львів: ПАІС, 2005. 264 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества: монография 2-е изд. М.: Искусство, 1979. 445 с.
3. Горошко Е.И. Теоретический анализ Интернет-жанров: к описанию проблемной области // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2007а. Вып. 4.
4. Горошко Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии / Жанры речи. Саратов:

Издательский центр «Наука», 2009. Выпуск 6 «Жанр и язык». С. 11-127 Режим доступа: www.textology.ru/article.aspx?aId=206 (дата обращения: 02.07.2013)
5. Горошко Е.И., Павлова Л.В. Трансформация текста под воздействием жанровой системы социальных медиа сервисов коммуникативного интернет-пространства (на материале англоязычных политических сайтов) // Жанры речи. Саратов: Изд-во СГУ, 2014. Вып. 1(10). С. 89-100.
6. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2008. 264 с.
7. Иванов Л.Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи. М.: Азбуковик, 2000. С. 6-7.
8. Компанцева Л.Ф. Интернет-лингвистика когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы: монография. Луганск: Знание, 2008. 528 с.
9. Компанцева Л.Ф. Философия сети Интернет: школа Бернарда Лонергана и славянский опыт. Луганск: Знание, 2006. С. 293-318.
10. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дикурса. Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2009. – 476 с.
11. Рыжков М.С. Речевые стратегии участников синхронного интернет-дискурса (на материале русско- и англоязычных чатов): дисс. … канд. филол. наук. Елец, 2010. 273 с.
12. Слышкин Г.Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи: сборник научных статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. - Вып. 4. Жанр и концепт. - С. 34-50.
13. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). М.: Наука, 1977. 168 с.
14. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1990. 688 с.
15. Arnold J., Miller, H. Gender and Web Home Pages. [Электронный ресурс]. URL:

http://ess.ntu.ac.uk/miller/cyberpsych/cal99.html. 1999. (дата обращения: 08.07.2009).
16. Askehave In., Nielsen A. E. What are the Characteristics of Digital Genres? Genre Theory from a Multi-modal Perspective // Proceedings of the 38th Hawaii International Conferences on System Sciences. 2005.
17. Crowston K., Williams *M.* Reproduced and Emergent Genres of Communication on the World Wide Web. // The Information Society. vol. 6. 2000. pp. 201-215.
18. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge University Press, 2001. 272 p.
19. Herring S.C., Scheidt L.A., Bonus S., Wright, E. Bridging the Gap: A Genre Analysis of Weblogs // Proceedings of the 37th Hawaii International Conference on System Sciences. - 2004.
20. Puzynina J. Kultura popularna a kultura wysoka – dziłь // Relacje między kulturą wysoką a niską/popularną w literaturze, języku i edukacji / Pod. red. B. Myrdzik. Lublin: Widawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2005. S. 11-22.
21. Shepard, M., Watters, C. R. The Evolution of Cybergenres // Proceedings of the 31st Annual Hawaii International Conference on System Sciences. - 1998.

Хроменков Павел Николаевич
Pavel Khromenkov

Конфликтные вербальные компоненты текстов народных песен (исследование методом количественного контент-анализа)

Conflict verbal components of folk songs (quantitative content-analysis research)

Аннотация: В статье рассматриваются лингвистические средства, используемые в песнях и выступающие в качестве конфликтосодержащего элемента. Работа представляет собой очередной этап в цепи лингвоконфликтологических исследований автором «языка вражды» в разных дискурсах. Цель исследования – выявление частотности конфликтосодержащих сем в народных и казачьих песнях, высокая частота которых может показывать корреляцию песенной тематики с соответствующим психолингвистическим рядом. Мотивационный эффект песен определяется не только их смысловой нагрузкой, но и эмоционально насыщенным выражением. Песни, помимо

воздействия на рациональный уровень бытия человека, оказывают нерефлексивное психологическое воздействие.

Abstract: This article examines the linguistic conflict components of song texts. The research purpose is to reveal the rate of conflict sems in folk and Cossak songs. High frequency can be the proof of song subject matter correlation with corresponding psycholinguistic one. It means that the motivational effect of songs is determined not so much by their semantics but also emotional expression. Songs, besides influence on a rational level of life of the person, render irreflexive psychological influence.

Ключевые слова: лингвоконфликтология, контент-анализ, песни, язык вражды.

Key words: linguoconfictilogy, content-analysis, songs, hate speech.

Народные песни традиционно выступали важнейшим социальным мотиватором. Наполненные, как правило, высоким уровнем экспрессии, народные песни играли и играют важную роль в жизни отдельного человека и общества, обладая синкретической природой и являясь поликодовым текстом – сложным сочетанием музыкального и вербального элементов. Народная песня по своей тематике чрезвычайно многопланова и оказывает заметное нерефлексивное психологическое воздействие на реципиента. Присутствие в текстах песен конфликтосодержащих лексем (например, повторы в припевах слов, попадающих в лексико-семантическое поле «языка вражды», или призывов к конфликтному действию) ведет к повышению мотивации конфликта.

Проводимый в отношении песенных текстов анализ заключался в исследовании двух количественных показателей. Во-первых, выявлялось общее количество конфликтосодержащих слов в соответствующей песне. Во-вторых, определялась доля предложений с конфликтосодержащими семами. Первый показатель дает представление об идее конфликта в целом, второй – указывает на частную конфликтогенную структуру анализируемого текста.

Народные песни

Особо показательно в применении к анализу фобий массового сознания рассмотрение с точки зрения конфликтных составляющих феномена народной песни. Являясь способом самовыражения народа, народная песня раскрывает особенности этносоциального менталитета, этносоциальных архетипов [Богданов, 2001]. Некоторые из считающихся народными песен имеют установленное авторство, другие – редакционную авторскую обработку. Так, к примеру, И.З. Суриков является

автором-редактором традиционно входящих в репертуар народного фольклора крестьянских песен «Степь да степь кругом…», «Что шумишь, качаясь…», «Дубинушка». «Вдоль по улице метелица метет» стала известна в обработке Дмитрия Глебова [Песни. Электронный ресурс]. За основу песни «Славное море – священный Байкал» были взяты стихи сибирского поэта Д.П. Давыдова, положенные на музыку неизвестными нерчинскими каторжанами [Поэты 1860х гг., 1968]. Предположительно автором исходного текста песни «По диким степям Забайкалья…» был историк, писатель и поэт И.К. Кондратьев [Смолік, 2013]. Но в данном случае важно не происхождение той или иной песни – у любого текста имеется автор – а принятие песенного текста народом, как идентичного его психологии и менталитету.

В целях корректности проводимого анализа, чтобы избежать субъективности в подборке контента, количественному измерению подверглись тексты песен, определяемых как лучшие в рейтинге российских народных песен. Рейтинг был установлен информационным ресурсом http://www.100bestsongs.ru на основе открытого гражданского голосования.

Проведённый анализ позволил выявить следующие особенности. Традиционная народная культура продуцировала различные типы песенного фольклора. Диапазон наличия конфликтных сем колеблется в лучших рейтинговых народных песнях от 0 до 18. В занимающих первые две рейтинговые позиции песнях «Валенки» и «Метелица» представленность конфликтных сем находится на нулевом уровне. Это указывает на отсутствие имманентной предрасположенности русской народной культуры к конфликту. Опровергаются в этом смысле и распространённые в западном россиеведении положения об имманентной империалистичности, а соответственно, конфликтоориентированности, присущей якобы русскому народу [Пайпс, 1981].

Наибольшее количество конфликтносодержащих сем – 18 – содержит песня «По диким степям Забайкалья…». Высокая конфликтная частотность была определена каторжной тематикой песни. Вторую позицию – с конфликтной

частотностью 14 сем делят между собой песни – «Раскинулось море широко» и «Чёрный ворон». И в этих случаях конфликтная частотность задавалась тематикой песен – морской и казацкой. Борьба, а соответственно, и конфликт, задавались средой раскрытия песенного сюжета. Средний уровень количества конфликтных сем в русских народных песнях – 7 – довольно высокий. Но он объясним тематической вариативностью народного фольклора.

Удельный вес конфликтосодержащих предложений находится в диапазоне от 0 до 100 %. Средний показатель – 51,8 %. Он подтверждает выдвинутое ранее предположение о высоких конфликтных потенциалах традиционного общества. Эти конфликтные потенциалы определялись парадигмой борьбы за выживание. Тойнбиевская методология: вызов – ответ задавала особенности бытия традиционного общества [Тойнби, 1991]. Но эти вызовы могли быть различными.

В русских народных песнях нет традиции прямой идентификации образа врага. Конфликт носит безликий характер. Герою противостоит судьба, фатум. Отсюда специфически русский трагизм песенного фольклора, будь то фатум неминуемой смерти, разлуки, погубленной любви. Можно в этом смысле говорить об особом деперсонифицированном конфликте русской народной культуры.

Необратимость фатума выражает один из наиболее устойчивых мотивов русского песенного фольклора – плач, тоска, грусть-печаль, страдание. Традиция плача тесно вошла в систему русской обрядовой и бытовой поэзии. Образным выражением данного состояния являются слёзы. Образ слезы присутствует в трех из рассматриваемого списка песнях. Всего лингвистически мотив плача обнаруживается в восьми песнях (т.е. в каждой третьей песне).

Мотив плача присутствует в качестве раскрытия темы конфликта и в некоторых других культурных традициях. Достаточно в этом отношении указать на ближневосточные традиции – шумерские – «Плач об Уруниенгеме», «Плач об Уре» и ветхозаветные – «Плач Иеремии». Скорбный плач *коммос* являлся, как известно, обязательной составной частью

греческой античной трагедии. Однако все-таки далеко не для всех культур он характерен.

Мотив же смерти, как наиболее концентрированное представление темы конфликта, можно считать культурно универсальным. Семы смерти присутствуют в восьми песнях рассматриваемого списка. Характерный образ – коннотат смерти – могила. Особый художественный прием, отражённый, в частности, в песне «Чёрный ворон», венчание со смертью. Смерть выступает как невеста убитого.

Народные песни позволяют зафиксировать мотив, характерный для конфликта в применении к традиционному обществу, нивелированный применительно к другим культурным средам. Таким мотивом являлась борьба со стихией природы. Специфически русская тема – угроза замерзнуть. Она представлена в четырех песнях. Созданы также соответствующие образы стихий реки (в частности, песни, посвященные Волге), моря («Раскинулось море широко…»).

Традиционным для народной лирики являлся конфликт в рамках тематики несчастной любви. Несчастная любовь в русских народных песнях часто ведет к смерти: либо она подводит к решению героя / героини о самоубийстве («Вниз по Волге-реке», «То не ветер ветку клонит…»), либо к мести («Окрасился месяц багрянцем»).

Особый тип русских народных песен в тематике конфликта представляют каторжные песни. Коннотатом конфликта в данном случае выступают семы *тюрьма, цепи, кандалы*. Популярный образ русских народных песен – беглец с каторги. В советское время традиция дореволюционных каторжных песен получила, как известно, новые импульсы развития [Сидоров, 2013].

Коннотататами конфликта выступает использование семиотики цвета или его сочетаний. Использование повторов цвета конфликта задает соответствующее восприятие текста. В русских народных песнях цветами конфликта выступают черный и красный. Они же цвета смерти. Иллюстративны в этом отношении песни «Чёрный ворон» и «Окрасился месяц багрянцем» [Кравцов, 1974]. (Табл. 1).

Табл.1. Конфликтное содержание в русских народных песнях (лучшие народные песни по данным рейтинга http://www.100bestsongs.ru)

Название	Количество конфликтосодержащих слов и словосочетаний	Удельный вес конфликтосодержащих предложений, %
«Валенки»	0	0
«Метелица»	0	0
«Ой, мороз, мороз…»	ревность не морозь (4 раза) Итого: 5	66,6
«Степь да степь кругом…»	смертный час зло схорони замерз Итого: 4	50
«Славное море - священный Байкал»	цепи влачил воля горная стража прожорливый зверь пуля стрелка шел озираясь кафтан дыроватый бури раскаты Итого: 8	71,4
«Вниз по Волге-реке»	пригорюнился (3 раза) киньте-бросьте утоплю грусть-тоска в море утопивому нелюбимый Итого: 8	62,5
«Вниз по матушке, по Волге»	непогода (2 раза) чернеет (5 раза) Итого: 7	71,4
«Из-за острова на стрежень»	ропот (2 раза) насмешки грозный атаман (2 раза) ни жива, ни мертва	85,7

	мощный (2 раза) казак Итого: 10	
«Окрасился месяц багрянцем»	багрянец (2 раза) буря шальная погода нельзя доверяться изменник коварный вонзила ножик булатный Итого: 8	50
«Вот мчится тройка почтовая»	буйная голова кручина огорчил нехристь-староста журит терплю постылый кнут ременный досада Итого: 9	87,5
«Вот мчится тройка удалая…»	сокрушили люди злые разрознили бедный сиротина Итого: 4	50
«По диким степям Забайкалья»	дикие бродяга (3 раза) проклиная тревожит бьют худая рваный тюремный тюрьма (2 раза) страдал темная ночь нет мочи могила	90,9

	кандалы плачут Итого: 18	
«Лучинушка»	плачет буря боюсь слезы несчастная загубили болит тоска-кручинушка мучители Итого: 9	35
«По муромской дорожке»	тоска печаль ужасный страшный нарушил клятву слезы погубил Итого: 7	25
«Глухой, неведомой тайгою»	бродяга (2 раза) умру бушует непогода чужая земля зароют заплачет Итого: 7	80
«Раскинулось море широко»	волны бушуют заболел потом истек изнемог умираю последние силы пламя опалило нечистой недоволен в глазах помутилось суровая покойный	41,2

	слезы зарыдает Итого: 14	
«Чёрный ворон»	черный (5 раз) добыча когти смертельна рана пал за Родину платок кровавый сабля стрела битва роковая Итого: 14	100
«Я на горку шла»	выругала Итого: 1	6,25
«У ворот, ворот»	худо можется (2 раза) нездоровится (2 раза) Итого: 4	2,7
«Чернобровый, черноокий»	полонил Итого: 1	12,5
«То не ветер ветку клонит»	стонет кручина подколодная змея судил рок могила в тесной келье гробовой постыла жизнь съела грусть гробовая доска Итого: 9	100
«Дубинушка»	горе отыщет покрепче дубину невмочь придавило мука боль ломаем ноги и спину	50

	разогнет могучую спину Итого: 8	

Казачьи песни

Существенно отличаются в плане выражения темы конфликта от крестьянского песенного фольклора казачьи песни [Электронный ресурс]. Казаки, как военная группа населения, а соответственно, их песни сосредоточены на сюжете войны [Рудиченко, 2005]. Главным конфликтом становится, в отличие от народных крестьянских песен, конфликт с неприятелем, внешним врагом, военным противником. Среднее количество конфликтосодержащих слов и словосочетаний в казачьих песнях – 18,2. Это в два с половиной раза больше, чем по народным песням в целом. Средний показатель частотности конфликтосодержащих предложений – 89,4 %. Акцентировка на конфликте по этому показателю также принципиально выше, чем в целом по народным песням. Для многих казачьих песен частотность конфликтосодержащих предложений составляет 100 %.

Враг в казачьих песнях уже персонифицирован. В «Гимне Всевеликого Войска Донского» – это турки. В песне «За рекой Ляохэ догорали огни», ставшей источником для красноармейской песни «Там, вдали за рекой догорали огни» описывается конкретный бой с японцами.

Еще более акцентировано представлен мотив смерти. Соответствующие семы присутствуют во всех без исключения из круга рассматриваемых казачьих песен. Часто используется образ крови. В «Чёрном вороне» казак завещает птице передать супруге «платок кровавый». В «Гимне Всевеликого Войска Донского» используется метафора «кровавого бранного пира». Смерть оказывается уподобляема не только венчанию, но и пиршеству. Непременное использование образов оружия усиливает конфликтное содержание казачьих песен.

В ракурсе конфликта может быть рассмотрено частое использование в казачьих и каторжных песнях понятия *воля*. Русская «воля» не была эквивалентна свободе. Она предполагала бунт, низвержение существующих социальных

ограничений. Целесообразно в этой связи привести рассуждения о различиях «воли» и «свободы» Г.П. Федотова: «Никто не может оспаривать русскости «воли». Воля есть прежде всего возможность жить, или пожить, по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами, не только цепями. Она не противоположна тирании, ибо тиран есть тоже вольное существо. Разбойник – это идеал московской воли, как Грозный – идеал царя. Есть одно поразительное явление в Москве XYII в. Народ обожает царя. Нет и намёка на политическую оппозицию ему, на стремление участвовать во власти или избавиться от власти царя. И в то же время, начиная от Смуты и кончая царствованием Петра, все столетие живет под шум народных – казацких – стрелецких – бунтов. Эти бунты показывают, что тягота государственного бремени была непосильна. Когда теперь становится невмочь, когда «чаша народного горя с краями полна», тогда народ разгибает спину: бьет, грабит, мстит своим притеснителям – пока сердце не отойдет; злоба утихнет, и вчерашний «вор» сам протягивает руки царским приставам: вяжите меня. Бунт есть необходимый политический катарсис для московского самодержавия, исток застоявшихся, не поддающихся дисциплинированию сил и страстей. Как в лесковском рассказе «Чертогон» суровый патриархальный купец должен раз в году перебеситься, «выгнать чёрта» в диком разгуле, так московский народ раз в столетие справляет свой праздник «дикой воли», после которой возвращается, покорный, в свою тюрьму» [Федотов, 1996]. (Табл. 2)

Табл. 2. Конфликтное содержание казачьих песен

Название	Количество конфликтосодержащих слов и словосочетаний	Удельный вес конфликтосодержащих предложений, %
«Чёрный ворон»	чёрный (5 раз) добыча когти смертельна рана пал за Родину платок кровавый сабля	100

	стрела битва роковая Итого: 14	
«Любо, братцы, любо»	чёрный (2 раза) порубанные пострелянные атаман (9 раз) пуля (4 раза) ранила (2 раза) воля (2 раза) забудет бурьян да полынь коршуны да вороны Итого: 24	100
«Полно, вам, снежочки» (Походная терских и кубанских казаков)	горе горевать (2 раза) печаль (2 раза) не бойтесь (2 раза) горе (2 раза) винтовочка винтовка (4 раза) полковник (2 раза) тревога (2 раза) заряжена (2 раза) смертный бой (2 раза) чужедальная сторона (2 раза) буйная головушка Итого: 24	81,0
«Пластуны»	дерзкий пластуны (5 раз) войны драться не страшны меч булава бой (2 раза) пики нагайка приклад удар	100

	захват воевать разведка вражеский Итого: 21	
«За рекой Ляохэ загорались огни»	грозно пушки грохотали храбрые орлы набег (2 раза) штыки японские цепи страх враг кровавая страшная битва пика пробито упал кровью заливая Итого: 16	100
«Гимн Всевеликого Войска Донского»	Всколыхнулся, взволновался кровавый бранный пир турки стойте крепко луну чужую с храмов Божиих сорвать винтовка жизнь покончил Итого: 10	55,6

Конфликтная компонента устойчиво присутствует в текстах народных – как крестьянских, так и казачьих – песенных типов. Очевидно, что степень конфликтогенности определяется, с одной стороны, принадлежностью к тому или иному песенному направлению, а с другой стороны, различия степени конфликтогенности определяются авторскими особенностями создания текста. Абсолютное выхолащивание конфликтных компонент песен невозможно и нецелесообразно. При таком выхолащивании нарушались бы сами принципы

художественного конструирования, но регулирование степени конфликтогенности в песенной культуре необходимо. Таким образом, народная песня, как важнейший социальный мотиватор, способна продуцировать высокую энергетику конфликта.

Литература

1. Богданов К.А. Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство, 2001
2. Кравцов Н. И. Поэтика русских народных лирических песен. Часть первая: композиция. М., 1974.
3. Пайпс Р. Россия при старом режиме: Пер. с англ. Кэмбридж, Массачусетс, 1981.
4. Поэты 1860-х годов // Библиотека поэта. Малая серия. Изд. третье. Л.: Советский писатель, 1968.
5. Рудиченко Т.С. Донская казачья песня в историческом развитии. Дис. докт. искусствоведения. Ростов-на-Дону, 2005.
6. Сидоров А.А. Я помню тот Ванинский порт. История великих лагерных песен. М.: ПРОЗАиК, 2013.
7. Смолік А.І.. Божы дар Івана Кандрацьева. Мінск: БДУКМ, 2013.
8. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.
9. Федотов Г.П. Россия и свобода // Русские философы (конец XIX – середина XX века): Антология. Вып. 3. М., 1996.
10. Электронный ресурс http://kazaki-ukhta.ucoz.net/load/teksty/teksty_kazachikh_pesen/2-1-0-10
11. Электронный ресурс http://www.100bestsongs.ru/index.php?time_id=0
12. Электронный ресурс. http://a-pesni.org/popular20/vdolpoulice.htm

СПИСОК АВТОРОВ

Ахренова Наталья Александровна кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка факультета иностранных языков ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»
E-mail: nakhrenova@mail.ru
Телефон: +7 (916) 872 53 84

Беляков Михаил Васильевич - кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России
E-mail: belmax007@hotmail.com
Телефон: +7 (916) 651 36 09

Буробин Александр Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка МГИМО МИД России
E-mail: a.burobin@inno.mgimo.ru.

Бурова Ирина Дмитриевна - магистрант 2 курса направление подготовки 44.04.01 Педагогическое обра-зование, направленность/профиль «Теория практика преподавания иностранных языков» факультет иностранных языков ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»
E-mail: internalclassic@gmail.com
Телефон: +7 (929) 643 30 94

Вахромеев Данила Сергеевич - учитель английского языка МБОУ СОШ №15, п. Быково.
E-mail: kagudin@gmail.com
Тел.: +7 (999) 923 11 02

Вишнякова Елизавета Александровна - заведующая кафедрой английского языка Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

E-mail: vishnyalis@yandex.ru
Телефон: +7 (903) 659 65 47

Захарченко Светлана Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка МГИМО МИД России
E-mail: s.zaharchenko@inno.mgimo.ru

Кошевая Инна Георгиевна - доктор филологических наук, профессор, член диссертационного совета 212.155.04 при Московском государственном областном университете
E-mail: innKoshe@yandex.ru

Мигдаль Ирина Юрьевна - кандидат филологических наук, зав.кафедрой английского языка факультета иностранных языков ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»
E-mail: iramigdal@rambler.ru
Телефон: +7 (926) 180 69 60

Павловская Анна Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В.Ломоносова
E-mail: annapavl@mail.ru
Телефон: +7 (499) 783 02 64

Пасечник Татьяна Борисовна - кандидат филологических наук, доцент кафедра английского языка ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»
E-mail: PTB.65@mail.ru
Телефон: +7 (917) 534 69 63

Свиридова Лариса Константиновна - доктор филологически наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета;

E-mail: sviridova.l.k@hotmail.com

Хроменков Павел Николаевич - доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики ГОУ ВО МО Московского государственного областного университета

E-mail: pn.khromenkov@mgou.ru

Телефон: +7 (903) 790 58 69

Уважаемые коллеги!

Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ) сообщает о начале приема статей для следующего номера научно-исследовательского журнала «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)».

В журнале публикуются статьи, рецензии и библиографические обзоры, информация о конференциях, семинарах и круглых столах по следующей тематике:

1. Теория и практика преподавания языков на всех уровнях
2. Устный и письменный перевод
3. Лексикография
4. Терминоведение и терминография
5. Социолингвистика
6. Психолингвистика
7. Язык средств массовой информации
8. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация
9. Стилистика и анализ дискурса
10. Информационно-коммуникационные технологии в прикладной лингвистике
11. Языковая ситуация в различных регионах мира.

О журнале

Научный журнал «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» освещает результаты исследований в разных областях гуманитарного знания, связанных с изучением языка в его прикладных аспектах и на широком фоне культурной, социальной, политической жизни народов, на нем говорящих, т.е. «мира изучаемого языка», без знания которого невозможно ни международное, ни межкультурное общение.

Издание зарегистрировано в **Международном центре ISSN,** входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре), Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 года.

Каждый из выпусков журнала направляется в Российскую книжную палату, которая осуществляет рассылку

журнала «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» в Российскую государственную библиотеку и другие ведущие библиотеки, образовательные и научные учреждения Российской Федерации.

Качество публикуемых статей контролируется редколлегией, в состав которой входят ведущие ученые, возглавляющие научные секции Национального общества прикладной лингвистики. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить заявку на публикацию по результатам отзывов рецензентов.

Авторы несут ответственность за точность и достоверность содержащихся в их материалах сведений научного и энциклопедического характера.

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Требования к оформлению статьи

Все статьи, поступающие в редакцию, должны быть оформлены строго в соответствии с требованиями. Статьи, оформление которых не соответствует предъявляемым требованиям, рассматриваться не будут.

В начале статьи предоставляются следующие сведения: фамилия, имя и отчество (полностью) автора (авторов), название статьи, ее аннотация объемом 40–50 слов, ниже отдельной строкой – ключевые слова. Сведения должны быть предоставлены на русском и английском языках.

Андреев Сергей Петрович
Sergey Andreev

Язык представителей хип-хоп культуры: от социолекта к дискурсу

The language of hip-hop culture: from sociolect to discourse

Аннотация. Хип-хоп культура, как и рэп лирика, до недавнего времени находилась на периферии научного знания, как явление «маргинальное», «антисоциальное» и «массовое». Дискурсивный подход, предполагающий рассмотрение текстов в связи друг с другом, а также с явлениями окружающей действительности и социальной реальностью, позволяет сделать анализ комплексным и выявить внутренние закономерности языка отдельной социальной общности.

Abstract. The linguistic features of various subcultures used to be on the periphery of science until recently as something, considered to be "marginal", "antisocial", "popular". As the result of communicative approach and anthropological turn in linguistics this situation has recently changed. In our research we make an attempt to define special features of the language of hip-hop culture taking into consideration the category of discourse.

Ключевые слова: хип-хоп культур, социолингвистика, дискурс, сленг, социолект, текст, рэп.

Key words: hip-hop culture, sociolinguistics, discourse, slang, sociolect, lyrics, rap.

Для подготовки статьи должен использоваться текстовый редактор Microsoft Word и шрифт Times New Roman. Документ должен быть сохранен в формате *.rtf

Поля: по 2 см со всех сторон.

Объем статьи 5 – 8 страниц формата А4, ориентация – книжная. Шрифт – обычный, размер шрифта – 14 пт, междустрочный интервал - 1,5.

Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi и прилагаться отдельными файлами.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

– т. е. перефокусирование, которое мы рассматриваем как разновидность дефокусирования [Ирисханова, 2010].

Смена функции номинации с непрямой на прямую в тексте применительно к одному референту свидетельствует в пользу того, что такое наименование при повторном использовании способствует конвенционализации или закреплению [Кубрякова, Ирисханова, 2012: 184] его трансформированной структуры. Так, Р. Лэнекер отмечает, что «можно говорить о развертывающейся шкале конвенционализации когнитивного явления. Каждое использование некоторой структуры оказывает положительный эффект на степень конвенционализации, в то время как продолжительные периоды не-использования - отрицательный. Посредством повторного использования окказиональная структура (novel structure) постепенно конвенционализируется...» [Langacker, 1987: 59].

В конце статьи должны быть размещены сведения об авторе (авторах): ученая степень, ученое звание, должность, структурное подразделение, вуз, электронный адрес и контактные телефоны.

Иванов Алексей Павлович - кандидат филологических наук, доцент института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

E-mail: alexei_ivanov@yandex.ru,

Телефон: +7-906-754-41-22

По всем вопросам, касающимся публикации статей в журнале «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики», просьба обращаться на электронный адрес редакционной коллегии журнала limw.editor@gmail.

Научно-исследовательский журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Национальное общество прикладной лингвистики

Коллектив авторов

Подписано в печать 24.09.2018. Формат 60x90/16
Заказ № 65212. Тираж 1000 экз.
Типография Академии акварели и изящных искусств
art-tipografia.ru
117133, Москва, ул. Академика Варги, 15
Тел.: (495) 531-55-55
academy.andriaka.ru